

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

СЕКРЕТНЫЙ ФРОНТ

АРКАДИЙ ПЕРВЕНЦЕВ

В сводках не сообщалось...

Аркадий Первенцев

Секретный фронт

«ВЕЧЕ»

1973

Первенцев А. А.

Секретный фронт / А. А. Первенцев — «ВЕЧЕ», 1973 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4444-9241-3

Все события остросюжетного романа-дилогии известного писателя Аркадия Алексеевича Первенцева (1905–1981) разворачиваются на наших границах. Его герои – пограничники и те советские люди, которые помогают им охранять рубежи Родины. Первая книга, давшая название всему произведению, рассказывает о самоотверженных действиях пограничников по ликвидации бандитского подполья буржуазных националистов в западной части Украины после окончания Великой Отечественной войны.

ISBN 978-5-4444-9241-3

© Первенцев А. А., 1973

© ВЕЧЕ, 1973

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	35
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Глава восьмая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Аркадий Первенцев Секретный фронт

© Первенцев А.А., наследники, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Книга первая

Часть первая

Глава первая

Лето выдалось жарким. Весь месяц в выцветшем небе ни единой хмарочки. Раньше обычного выколосились и созрели хлеба. Никли и высыхали подсолнухи. Пожухла кукуруза, початки не переламывались у стержня, как бывало при хорошем наливе. Перепаханные войной сенокосные угодья почти не дали отавы.

Пыль на грунтовых шляхах от проходящих машин, поднявшись, долго висела в воздухе. Мельчайшая пыль, истертая шинами боевых машин, размятая по колесную ступицу, не пыль, а сухая вода плыла, колыхалась при малейшем движении ветра.

Черепичные крыши западноукраинского городка Богатина будто покрылись пеплом; не узнать улиц, прежде горевших багрянцем черепичных крыш в утренние и закатные часы. Белые трубы, курчавины дыма, опаловый воздух.

В райкоме партии окна отворялись только после спада зноя. От мошкары защищали металлические сетки, от лихих людей – посты; предосторожность не лишняя.

Секретарь райкома Павел Иванович Ткаченко готовился к докладу на активе. Перед ним стоял кувшин охлажденной воды, лежала пачка тоненьких «гвардейских» папирос, на плече висел холщовый рушник – Ткаченко то и дело утирал вспотевшее лицо, шею, грудь. Он снял гимнастерку, распустил ремень на фронтовых полугалифе, под сиреневую трикотажную майку наконец-то пробралась прохлада. И мысли потекли живее, и рука проворнее побежала по бумаге.

Актив собирали по поводу нового обращения ЦК Коммунистической партии Украины «К заблудшим и обманутым сынам», продолжавшим антисоветские действия, руководимые из-за рубежа Степаном Бандерой.

Позвонил редактор районной газеты, желая согласовать передовицу, попросился на прием.

– Заходи, шановный товарищ, – ответил Ткаченко.

Во вчерашнем номере республиканской газеты были обнародованы воззвание и условия амнистии. Утром из Киева передавали по радио официальные материалы. Тон выдерживался спокойный, сдержанный, без нажимов; об амнистии говорилось наряду с другими важными делами – просто и значительно.

А редактор принес напыщенную, лозунговую статью.

– Э, шановный товарищ, треба проще. Мы вызываем из схронов не дуже ярых грамотеев, обращаемся в основном к дремучей силе. А вы пишете передовицу этаким, простите, суконным языком, будто сухие цветы преподносите: ни запаха, ни красок – одна пыль.

– Передовица же, Павел Иванович. Положено писать ясно и броско.

– Ясно, да. А вот насчет второго сомневаюсь... Надо толково разъяснить систему повинной, назвать адреса, куда являться да и к кому. Все точно и, главное, просто. Завитушки пользы не принесут. – Ткаченко открыл чистый лист блокнота, крупным, угловатым почерком написал: «Объяснить, как будет с работой, с жильем, с оформлением прав на жительство, с продкарточками». Написав, вырвал страничку, подsunул под потный палец редактора. – Те, кого один раз обманули, не захотят быть обманутыми дважды. – Ткаченко подумал, взъерошил волосы, прошелся по кабинету, заложив руки в карманы суконных полугалифе. – Подберите письма ранее амнистированных – они у нас есть, – организуйте выступления, и так же спокойно, солидно, без словесной трескотни...

На редактора было потрачено не меньше получаса, а время-то не остановишь. Подходили машины. Доносились хриплые голоса: «Глоткой еще берем, глоткой, – сокрушенно думал Ткаченко. – Буду говорить тихо, боже упаси орать. Горло драть нечего. Надо выманывать людей из леса, из щелей, из схронов...»

В Богатинском районе крутогорье и густолесье. Начальник войск пограничного округа генерал Дудник недавно сообщил: в районе выявлена школа УПА – «Украинской повстанческой армии», курсанты – в возрасте от восемнадцати до тридцати лет с образованием не ниже: зосьми классов. Школа подчиняется главному штабу УПА, и руководит ею бывший поручик польской армии по кличке Лунь – фамилия не установлена – в возрасте тридцати четырех – тридцати пяти лет.

Школа, по данным разведки, состоит из трех сотен, в каждой сотне по три четы. Курсанты изучают тактику, топографию, устав караульной службы, проходят огневую и химическую подготовку, особое внимание уделено идеологической обработке: пропаганда ведется, разумеется, в националистическом духе «самостийной Украины». Срок обучения в школе – три месяца.

Из вооружения в школе имеются: девять ротных минометов, двенадцать ручных пулеметов разных систем, тридцать автоматов, винтовки мадьярские, немецкие и советские, гранаты по три штуки на каждого курсанта; боеприпасы: триста – четыреста патронов на пулемет и пятьдесят – шестьдесят патронов на винтовку.

Курсанты живут в шалашах. Командный состав – в палатках. Школа круглосуточно охраняется тремя полевыми караулами. Местность вокруг лагеря заминирована, оставлено лишь четыре прохода.

Отрядом жандармерии в пятьдесят человек командует хорунжий. Его псевдоним – Капут, он ведает службой безопасности и разведкой.

«Это похуже, чем гвоздь в сапоге, – думал Ткаченко, так и этак переверачивая и изучая секретное сообщение, – и надо же было выбрать наш район! Пограничный, потому и валом валят бандюги».

Школа УПА имени Евгена Коновальца.

Коновальца убили по заданию адмирала Канариса, начальника гитлеровской военной разведки, абвера, и националистическое движение возглавил Андрей Мельник.

«Коновалец окружен мученическим ореолом, – подумал Ткаченко. – Хотя был таким же проходимцем и шарлатаном, как и все вожаки ОУН. Надо обязательно ударить по этому ореолу – разоблачить и Коновальца, и Мельника, и Бандеру. Следует посоветоваться с генералом Дудником».

Генерала Дудника ожидали с минуты на минуту.

Закат удлинил тени яворов. Над соседней крышей лениво выклубилась стайка вертунов, поднятых на разминку голубятниками.

Ткаченко закончил с тезисами, выпил стакан воды, надел волглую от пота гимнастерку, затянулся ремнем хотя и туговато, но пока еще на армейскую дырочку.

Судя по шуму, доносившемуся из-за неплотно прикрытой двери, в приемной собирались приехавшие на совещание активисты. Отчетливо выделялся резко-повелительный голос Забрудского, секретаря райкома, ведавшего идеологией.

За время работы в Богатине Ткаченко полюбил грубоватую, честную партийную братию – самоотверженных тружеников опасного пограничного района. Большинство партработников – в недавнем прошлом бойцы, еще не успевшие ни остыть от фронтового огня, ни доносить военное обмундирование. Лишь немногие сменили гимнастерку на украинскую сорочку, а картуз ввиду небывалой жары – на соломенный брыль.

Они были товарищами Ткаченко по совместной работе и привыкли запросто появляться в его кабинете и досаждают своими заботами. Они нуждались в нем не меньше, чем он в них.

И Ткаченко казалось: нарушь эту связь и необходимость друг в друге – дрогнет, расшатается порученное им общее дело.

– Хлопцы! Объясню популярно: занят Павел Иванович!

Ткаченко вместе с бравыми модуляциями голоса Забрудского будто услышал бряцание орденов и медалей на его просторной груди.

Он плечом распахнул двустворчатые высокие двери и, легонько отодвинув Забрудского, сказал:

– Был занят! Зараз свободен!

– А мы уже думали, что и ты записал себя в бюрократы, Павел Иванович!

Кабинет наполнился шумом приветствий, оглушительным смехом без особого повода; кто-то уже бесцеремонно хватал графин и пил воду из граненого стакана, кто-то устраивался в кресле, отдаваясь прохладе, проникавшей в раскрытые окна.

Людей оторвали от насущных дел, и не мудрено, что в первую очередь доставалось на орехи бандеровцам.

– Мы возьмем, спина мокрая, а они – палки в колеса. Я бы их вместо амнистии всех под корень – и концы, – яростно лохматя влажную от пота шевелюру, проговорил парторг с глухого лесного участка, расположенного у самой границы. Надрываясь от сухого кашля, он требовал крайних мер.

Худой человек в расстегнутом френче, с беспокойным взглядом светлых глаз в одиночку опоражнивал графин мутноватой воды. Стукнув стаканом о стол, гневно крикнул:

– Зрадныкив зныщити!¹

– Ты ему азбуку коммунизма, а он тебе нож в пузо! – поддержал его молодой парень в гимнастерке с пестрой колодкой боевых медалей и гвардейским значком.

Ткаченко знал, что все слова эти не от жестокости. Собравшиеся здесь, у него в кабинете, были хорошими, деловыми, нисколько не кровожадными людьми. Они сообща взялись за восстановление этого разоренного войной края, тянут тяжелый воз.

Одна беда у всех – бандеровщина, будь она проклята! Приехали они на актив с конвойными – сельскими «истребками», как шутя прозвали себя комсомольцы-дружинники. А дружинники эти – еще зеленая молодежь, им бы парубковать, а вместо того пришлось взять в руки автоматы, винтовки или таскать «лимонки» в своих шароварах.

Выгляни-ка в раскрытое окно – целые отряды прибыли в районный Богатин, даже посты расставили по военной привычке, чтобы по первой тревоге залечь вкруговую и отбиваться. На что это похоже, задери их дьявол, тех самых «коновальцев»!

Сам Ткаченко в прошлом – танкист, ходивший вместе со своими боевыми товарищами в дерзкие рейды, руководимые прославленным мастером танковых боев полковником Иваном Игнатьевичем Якубовским.

Немало мог рассказать Ткаченко о своем знаменитом комбриге, о героях-комбатах Хадыр Гасан Оглы и Лусте, о героической десятидневной битве за украинский город Фастов против танковой дивизии «Мертвая голова» генерала фон Шелла. Тогда за освобождение Фастова 91-й отдельной танковой бригаде присвоили наименование Фастовской.

Десять Героев Советского Союза дала памятная битва за Фастов; сражались по-сталинградски. Все это мог удостоверить секретарь райкома: глубокие отметины на его теле – следы тяжелых ранений, боевые ордена и благодарности Верховного Главнокомандующего лучше всего напоминали о тех горячих днях.

В гвардейской танковой армии генерала Рыбалко прошел Ткаченко пол-Европы, и не раз пожимал ему руку полковник Якубовский.

¹ Предателей уничтожить! (укр.)

С виду Ткаченко – типичный танкист, которого не смущала теснота боевой машины: рост – 160 сантиметров; вес – 70 килограммов, при любых передрыгах ровное дыхание и нормальное давление крови.

Лицо широкое, чуточку насмешливое, в лукавых, с прищуром, глазах – веселые искорки: юмор – это уж неистребимо национальное; но усмешливые глаза иногда наливаются холодом, и, хотя не мечут молний, глядеть в них в ту минуту – занятие не из приятных.

По военной линии Ткаченко дослужился до звания майора, кто-то советовал идти учиться в военную академию, но партия рассудила по-своему. Его направили в аппарат ЦК Украины и, присмотревшись к нему, послали в один из сложных по обстановке районов.

Рядом – граница. Этим сказано все. Значит, рядом опасность: лазейки из-за кордона, темные пути движения контрреволюции, прорывы банд в пятьдесят, сто, а то и в триста автоматов.

Здесь каждый пограничник – истинный герой, человек мужества, смелости и безупречного исполнения долга. Снова, как в отдельной танковой бригаде, – фронт. Плечом к плечу с пограничниками, локоть к локтю. Трудно: ведь война окончилась и большинство солдат уже сняли погоны.

– Народ там трудолюбивый, хороший, – сказали Ткаченко, направляя его на работу. – А вот мешают ему мирно трудиться. Надо наводить порядок, товарищ Ткаченко.

Анна Игнатьевна, жена Ткаченко, окончившая Львовский пединститут, преподавала в городском педтехникуме. Когда-то худенькая деревенская девушка, с тугой косой и робким взглядом карих глаз, после первого ребенка «раздобрела», налилась силой. Вопреки воле супруга отрезала косу и теперь закрывала высокий лоб челочкой.

Второй ребенок родился уже в Богатине, и супруги называли его фронтовым. Анна Игнатьевна души не чаяла в детях, любила свой дом и с затаенной тревогой выслушивала новости об очередных смертоубийствах и похождениях бандитских ватажков-атаманов.

Ткаченко отличался бесстрашием. Если другие окружали себя вооруженным конвоем, то он ездил по району с одним водителем Гаврюшей, тоже в прошлом танкистом. Ткаченко обычно водил машину сам. Автомат рядом, всегда под рукой, наготове. Держал про запас пяток гранат на случай схватки с численно превосходящим противником.

Теперь о противнике. Как получалось, самому ему невдомек – секретаря Богатинского райкома бандиты ни разу не встретили на дороге, никогда не нарывался он на вражескую засаду, ни одна пуля не полетела за ним вдогонку. И еще более удивительно – ни одного подмета, ни одной угрозы. На что путное, а уж на угрозы бандеровское подполье было гораздо. Приглядывались ли к нему или что другое задумали, сказать пока было трудно...

Глава вторая

Обещавший приехать пораньше генерал Дудник задержался на линейной заставе капитана Галайды. Оттуда он позвонил Ткаченко, извинился за задержку. Наконец машина Дудника затормозила у подъезда. Из клубов оседающей пыли появился генерал. Молодцевато подтянутый, в легком комбинезоне на застежке-«молнии» и в сапогах, мягкие голенища которых плотно обхватывали его полные икры, он легко взбежал по ступенькам, по пути козырнув встречавшим его райкомовским работникам. Четко, шагом военного человека прошел по темному коридору, застланному ковровой дорожкой.

Два молодых офицера сопровождали его, пытаясь попасть в ритм шагов, не обогнать и не отстать. Один из офицеров, совсем еще юноша, высокий и стройный, с фасонисто сдвинутой набок фуражкой, несший генеральский портфель и всем своим видом показывавший важность выполняемого им поручения, попытался пройти вперед, чтобы распахнуть двери, но генерал сделал это сам и, козырнув вставшему при его появлении помощнику секретаря, остановился у раскрытых дверей кабинета.

– Эге-ге-ге! Сколько вас тут! Здравствуйте, товарищи! – Веселыми глазами он окинул притихших при его появлении людей, поздоровался за руку с секретарем райкома и попросил у него разрешения умыться после дороги.

Пока Дудник умывался в смежной комнате-бытовке, районных работников из секретарского кабинета будто ветром сдуло.

– Испугались хлопцы? – спросил генерал, поглядывая молодыми глазами, потянувшись было к пустому графину, вызвал ординарца, распорядился принести из машины бутылку боржоми.

– Выступите перед народом, Семен Титович? – Ткаченко смотрел на генерала, сидевшего в расслабленной, непринужденной позе человека, решившего хотя бы несколько минут вырвать для отдыха.

Генералу приходилось трудновато. Его «епархия» была обширна и, увы, богата разными чрезвычайными случаями: «сейсмическая» была территория. И везде нужен глаз да глаз. Вот и мотался Семен Дудник, стараясь поспеть всюду, потому что в его деле опоздание иногда могло привести к непоправимым последствиям.

– Выступать нам не особенно велено, Павел Иванович, – ответил Дудник, – хотя наше дело и ваше связаны теснейшим образом. Борьба-то ведется политическая.

– Острополитическая.

– Вот именно. – Генерал посмотрел на часы. – На вас надеюсь. А сейчас мне придется подъехать к вашим соседям. – Он назвал район, расположенный южнее Богатинского. – Там, насколько понимаю, я нужнее. А вы посоветуйтесь, Павел Иванович. Амнистия пока объявлена на бумаге, а вот претворить ее в жизнь...

– Жалко, что уезжаете, Семен Титович, но ничего не попишешь. Мы решили, кстати, провести не совещание, а собрание. Имели желание после собрания задержать вас на чашку чая.

Генерал поднялся, подошел к окну, вдохнул полной грудью, прищурившись, поглядел на улицу, заставленную машинами, бричками, на толпившихся возле них людей.

– Значит, собрание? – переспросил генерал, продолжая наблюдать за толпой. – Доступ свободный? Набьются кто ни попадя, попробуй потом разберись...

– Примем предупредительные меры, не без этого. Мы же обязаны выходить в массы. Правда наша открыта для всех.

– Ну что же, против собрания я не возражаю. – Генерал откупорил принесенную ординарцем бутылку боржоми, налил стаканы, один подвинул Ткаченко. – Пейте! На Кавказе из горы бьет, а здесь редкость.

Ткаченко сумел близко узнать и полюбить этого целеустремленного человека. С первого взгляда Дудник мог показаться излишне суетливым, но в деле был осторожным, осмотрительным и смелым. Он знал, что враг их – бандеровщина, коварный, хитрый и опасный, держался фанатично упорно, имел крепкую организацию, проявлял хитрость и изощренную изворотливость. Беспощадные расправы бандеровцев вызывали панический страх у населения, особенно крестьян из далеких сел, разбросанных среди гор и лесов и фактически беззащитных.

– Находятся ретивые сторонники решительных действий: вышибай, мол, клин клином. Бандеровцы расправляются с теми, кто помогает нам, и мы должны, мол, отвечать тем же... Но одни административные меры никогда не приносили пользы. Постоянно мы должны подчеркивать, что идет классовая борьба. – После паузы Дудник добавил: – Мы обязаны ликвидировать бандеровщину, и чем скорее, тем лучше... Активную, вооруженную, не сдающуюся бандеровщину... А всех обманутых, заблудившихся вырвать у врага, вывести на верную дорогу... Спасти, – добавил решительно. – Вот именно, спасти!

Генерал взял телефонную трубку, стал созваниваться с пограничным отрядом, предупредил о своем выезде.

– Семен Титович, хочу у вас кое-что спросить, чтобы быть во всеоружии на сегодняшнем собрании, да и самому надо уяснить некоторые вещи.

Генерал отодвинул от себя телефон, взглянул на Ткаченко.

– Школа УПА, базирующаяся в нашем районе, носит имя Евгена Коновальца, – продолжал секретарь райкома, – у меня о Коновальце весьма скудные сведения, а надо знать о нем побольше. Вот я и хочу...

– Понятно. – Генерал побарабанил пальцами по столу, подумал. – С азов, что ли, начинать?

– С азов так с азов. Когда Коновалец связался с немецкой разведкой – в тридцать восьмом году или раньше?

– Коновалец служил в оккупационной немецкой армии еще в тысяча девятьсот восемнадцатом году, – ответил Дудник. – Прожженный тип. Немцам нужен был не строевой офицер, а опытный агент, беспрекословный исполнитель. Таким и был Коновалец... Так что его грехопадение началось в восемнадцатом году, Павел Иванович.

– Ну а потом?

– Потом... – Дудник прошелся по кабинету, остановился перед Ткаченко. – Вас интересует материал, разоблачающий Евгена Коновальца?

– Конечно. Шпион, агент, палач и тому подобное... Эпитетов много, но нужны факты. Факты – упрямая вещь, Семен Титович. Мне надо знать все, быть готовым ответить без заминки на самый острый вопрос, на любой выпад. Вот, например, на такой вопрос: как Коновалец из кайзеровского агента стал фашистским агентом, стал служить не Украине, как его представляют, а Гитлеру? Есть данные?

– Есть. Нами был взят в плен немецкий разведчик, некто Штольце. Мы располагаем его показаниями. Да вы знаете о нем. Для вас Штольце не новость. Гитлер, придя к власти, потребовал отыскать шпионов, хорошо знающих Советский Союз. Штольце говорит, что ими для такой роли был определен Коновалец, завербованный немецкой разведкой.

Коновалец без особого труда добывал сведения об экономике и военном потенциале Польши, а вот по Советскому Союзу ему приходилось давать «липу». Немцы вначале охотно и много платили своему агенту, а потом, убедившись, что тот врет, решили его убрать.

Это более или менее официальная версия, но, возможно, были и другие мотивы, по которым следовало избавиться от Коновальца. Гитлеровская разведка обычно так поступала с

теми, кто был достаточно выжат и слишком много знал. Ликвидировать Коновальца поручили шефу главного штаба «организации украинских националистов», бывшему австрийскому офицеру Рихарду Ярому. Это был представительный, элегантный мужчина, отлично владевший немецким языком. Ярый быстро вошел в доверие к Коновальцу и стал незаменимым помощником руководителя украинского националистического движения. У Ярого был солидный стаж в немецкой разведке, хорошо налаженные связи. Его прочили на место Коновальца. Коновалец, находясь в Роттердаме, получил шифровку о том, что Рихард Ярый должен передать ему крупную сумму денег от гестапо. Ярый вручил пакет своему агенту Валюку, вложив туда вместо денег бомбу с часовым механизмом. Ну, а дальше все, как полагается в детективном романе. Валюк вручает «подарок» Коновальцу в Роттердаме. И Коновальца, как говорят на Украине, «розирвало на шматки».

Ткаченко, улыбнувшись, что-то черкнул в своем блокноте.

– Что вы там записали?

– Вашу последнюю фразу: «розирвало на шматки».

Дудник распрощался.

Ткаченко шел энергичным шагом, чувствуя на губах горьковатую пыль. Он расстегнул ворот гимнастерки, чтобы грудью ощутить вечернюю прохладу. Откуда ее принесло? С тех гор, прижатых к сумеречному низкому небу, или вон от той разъединственной тучки, пугливо плывущей со стороны леса?

Возле клуба густо толпились люди. Отлично! Подойдя ближе, Ткаченко услышал возбужденные голоса: вооруженные бойцы истребительного отряда слишком усердно наводили порядок.

– Зачем столько «истребков»?

– Надо, Павел Иванович, – ответил ему Забрудский. – Сам знаешь положение.

– Сними посты, Забрудский. Не слишком усердствуй.

– Тертерьян звонил, просил усиления...

– Желающих послушать многовато собралось, – проговорил Ткаченко. – Всех не охватим.

Клуб не резиновый. Если бы радиофицировать?

– Хотели было. Не вышло, Павел Иванович. – Забрудский прошел вперед, всем своим видом показывая, что в случае опасности он грудью своей загородит секретаря. – Давай сюда, прямо в президиум.

– Не протолкнемся, Забрудский.

– Эге, Павел Иванович! За кого ж ты меня принимаешь? Даже танкам пробивали ворота, чтобы ввести их в прорыв... – Забрудский проверил, на месте ли ордена и медали, лицо его сияло от сознания исполненного долга. – А вот и Тертерьян!

Начальник райотдела МГБ встретил их упреками. Оказывается, проход был обеспечен с центрального подъезда.

– Прорвались с тыла, товарищ Тертерьян, – успокоил его Забрудский. – А там пушкой не пробьешь.

– Что же получается, Павел Иванович? – озабоченно и с упреком спросил Тертерьян. – Мы принимаем меры, обеспечиваем предполагаемое совещание актива, а тут оказывается, актив кто-то переиграл на митинг.

– Не кто-то, а так решило бюро райкома, товарищ Тертерьян.

– Я-то ничего не знаю. Уж кому-кому, а мне в первую очередь надо было бы сообщить.

– В последнюю минуту решили, – сказал Ткаченко, успокаивая его, – в рабочем порядке.

И генерал Дудник не возражал...

– Я с точки зрения безопасности. – Тертерьян закурил и тут же погасил папироску, поймав недоумевающий взгляд пожарника, стоявшего за кулисами в латунной каске польского

образца и в брезентовой робе. – Вот у них все по инструкции, – как бы позавидовал Тертерьян пожарникам, – а нам приходится приноравливаться, Павел Иванович. Рассчитывали на узкое совещание актива, а теперь поглядите в зал – яблоку упасть некуда. Кого только нет! Может, с бомбами, с обрезами...

– Коммунистам не привыкать, товарищ Тертерьян. Слова партии сильнее бомб и обрезов. Ну, товарищи, готовы? – обратился Ткаченко к сгрудившимся у выхода в президиум. – Давайте-ка занавес!

Слушая вступительное слово Забрудского, его властный, повелительный голос, Ткаченко прикидывал в уме, как ему лучше построить свое выступление. Ясно одно: разговаривать с этим затаенно притихшим залом так, как разговаривал Забрудский, тоном приказа, было нельзя.

Ни криком, ни проникновенным шепотом людей не возьмешь, и дело не в модуляциях голоса, а в умении оратора подобрать ключ к их сердцам, проникнуть в душу, добившись единения с ними. И это могла сделать только убеждающая правда, конкретная, деловая.

Ткаченко окинул взглядом настороженные лица; знакомых заметил лишь в первых пяти рядах. Женщин почти не было. Редко-редко пестрели платки, зато было много чубатых и уса-тых мужчин, напряженно-потных лиц, мереженных сорочек и нарядных безрукавок. В зале курили, и стойкий сизый дым едко прослаивался в спертom воздухе.

Когда Забрудский предоставил слово Ткаченко, наступила тишина. Ни одного хлопка. Ткаченко неторопливо направился к трибуне, покусывая губы и смотря себе под ноги. Только взойдя на трибуну и опершись о поручни, он резким движением головы откинул со лба прядь волос, взгляделся в зал. Пауза помогла сосредоточиться, найти первые слова обращения:

– Шановни товарищи!

Ткаченко казалось, что аудитория пока еще недоверчиво вслушивается в его не совсем безупречный украинский язык, «подпорченный» долгим общением с фронтовыми русскими товарищами. Но постепенно это перестало его тревожить.

Ткаченко направил основной огонь на вожakov оуновцев, на тех, кто, сидя за кордоном, распоряжается кровью украинцев. Надо было доказать, что и Мельник и Бандера не бескорыстные борцы, а продажные слуги закордонных разведок.

– Во время встречи с руководителями немецкой военной разведки Лахузенoм и Штольце, которая произошла в Берлине на конспиративной квартире Кнюссмана, офицера Канариса, в начале тысяча девятьсот тридцать девятого года, Мельник уверял своих хозяев, что будет служить им верой и правдой, и, как указывает Штольце, выдал планы своей подрывной деятельности... – Ткаченко сообщал слушателям только факты: основной акцией Мельник считал налаживание связей с украинскими националистами, которые проводили работу в Польше, и с националистами на территории Советской Украины, установление дат подготовки восстания, проведение диверсий на территории СССР. Тогда же Мельник просил, чтобы все расходы, необходимые для организации подрывной деятельности, взял на себя абвер, что и было сделано...

– Мельник выступав, – Ткаченко гневно бросил в зал, – головным консультантом гитлеривцив по утворенню так званого уряду незалежної Західної України и перетворення Закарпаття на колонію Німеччини, на плацдарм для нападу на Радянський Союз...

Секретарь райкома восстанавливал историю движения звено за звеном, как цепь преступлений, убийств, интриг и предательства по отношению к той самой Украине, о судьбе которой якобы пеклись вожаки организации.

– Добре, добре, – похваливал Забрудский, – такие слова, и не по бумаге... – Он наклонился к соседу по президиуму, председателю райисполкома Остапчуку.

– Переложі живое слово на бумагу, – сказал Остапчук, изнывая от жары, – и все пропало.

Остапчук надел по совету жены новую сатиновую рубашу и мучился в ней с непривычки. Сатин прилипал к голому телу. Куда сподручней гимнастерка, сквозь нее легко дышит влажная от духоты кожа, да и привычней в ней бывшему старшему сержанту.

Ткаченко объявил текст обращения:

– «Не желая напрасно проливать кровь, не желая омрачать знаменательные в истории советского народа праздничные дни Победы, Президиум Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики, Совет Народных Комиссаров УССР и Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины предоставляет участникам украинско-немецких националистических банд последнюю возможность покаяться перед народом и честным трудом искупить свою вину...»

Когда был указан срок явки с повинной, в зале сразу зашелестели: многие записывали. Выждав необходимую паузу и переведя дух, Ткаченко более звонким и громким голосом дочитал:

– «...Это последний срок и последнее предупреждение. После указанного срока ко всем участникам банд будут применены строжайшие меры как к изменникам Родины и врагам советского народа... Если враг не сдастся, его уничтожают – такова воля украинского народа».

Ткаченко отложил обращение, взгляделся в зал:

– Вот что мы хотели доложить вам, товарищи. Доложить о мерах, принимаемых правительством и партией от вашего имени для того, чтобы вернуть всех к мирной жизни, прекратить субсидированную из-за кордона борьбу украинско-немецких банд, националистических банд. Разъясняю условия амнистии, как она будет проводиться...

Люди притихли, вслушиваясь в каждое слово.

– Пускают слухи, мол, обман один – выйдут хлопцы из схронов, а их запакуют, голубчиков, в телячьи вагоны – и в Сибирь. Не верьте слухам! – громко сказал Ткаченко.

Зал зашумел, задвигался, пришлось звонить колокольчиком.

Напоследок Ткаченко не без ядовитости развенчал «великомученика» Евгена Коновальца, рассказал о том, как Коновалец получил в Роттердаме «подарок» от гестапо и как «розирвало його на шматки».

Скупосмеялись только первые ряды.

– Эффекта не получилось, – заметил Забрудский.

– Они оцепенели, – буркнул Остапчук. – Щоб их заставить смеяться, треба две недели под мышками щекотать. Ты попытай, может, у кого вопросы есть? Бачишь, Ткаченко последний глоток воды допил.

Забрудский уперся кулаками в багряное сукно и, строго обведя зал круглыми, навывкате, глазами, попросил задавать вопросы.

– Яки там у них вопросы, – проговорил он Остапчуку, – бачишь, поперли к выходу. Тут и военные... – Забрудский полуоборотился к сидевшему за его спиной Тертерьяну. – Откуда военные?

– Да что мы, у них документы, что ли, проверяли? – Тертерьян зло блеснул желтоватыми белками.

Остапчук, присмотревшись, заметил сидевших почти у самого выхода двух офицеров в форме войск МГБ.

– Мимоходом небось завернули. Ваш брат... – успокоил он Тертерьяна. – Вон есть и вопросы. Кто это поднялся, тянет руку?

– Дед Филько? – Забрудский узнал старика. – У него всегда полна пазуха вопросов.

– Есть вопрос! – выкрикнул Филько. – Отсюда казать чи к трибуне?

– Кажи оттуда, у тебя звучно получится, – разрешил Забрудский.

Дед Филько все же полез к сцене, но протиснуться сил не хватило. Остановившись, он приподнялся на носках, выкрикнул громко, насколько позволил ему старческий голос:

– А скажите, товарищи, в Сибири пшеница родит?

Ткаченко, продолжавший стоять на трибуне, остановил хохот.

– Родит пшеница в Сибири, – ответил он с полной серьезностью, – и климат и почва позволяют возделывать ее там.

– Так чего же Сибирью пугают? – выкрикнул дед Филько и принялся пробиваться на свое место под хохот и выкрики.

Собрание закончилось. Пареньки из драмкружка задернули занавес. Остапчук обмахивался платком, стоял, широко расставив ноги. Синяя сатиновая рубашка-косоворотка потемнела от пота.

– Драму превратили в комедию, – сказал Тертерьян, – какие-то гады подговорили деда.

– Какие там гады? Разве ты его не знаешь, деда Филько: вечный юморист. Ты его на погост понесешь, а он тебе будет чертиков на пальцах показывать! – В глазах Остапчука плескалась тоска.

– Ты что, Остапчук, чем-то недоволен? – спросил Ткаченко.

– Ну и народец собрался, Павел Иванович! Кабы не этот юморист – дед Филько, можно было подумать, что все глухонемые. – Остапчук покачал головой, вытер коротко остриженный затылок с двумя резко обозначенными складками.

– Вулкан тоже тихий до поры до времени, а как заклокочет да как тряхнет... – сказал Тертерьян.

Ткаченко возвращался домой с Забрудским, Остапчуком и Тертерьяном в приподнятом настроении: все прошло более или менее удачно. Съехавшиеся из района коммунисты и актив истребительных отрядов, присутствовавший в зале клуба, благотворно повлияли на местное население. Сложилось впечатление, что всем было ясно: с бандеровщиной надо кончать, и кончать как можно скорее.

Ткаченко жил на втором этаже. Он видел свет в своей квартире, силуэт жены за тюлевой занавеской.

– Управились к десяти, – сказал Ткаченко, – оперативно управились хлопцы.

– Самое главное, без эксцессов. – Забрудский крепко встряхнул протянутую ему руку. – Веду собрание и думаю: не пробрался бы в зал бандеровец, еще пальнет по президиуму... Сердце покалывало.

– Брось ты прикидываться, – остановил его Остапчук. – Ты еще не знаешь, где у тебя сердце. На какой стороне? Дай покой секретарю.

– Право, что-то не хочется расставаться, – сказал Забрудский. – Прохлада пришла...

– От леса, – сказал Остапчук, – близко лес, потому и прохлада...

– В лесу не только прохлада, – возразил Забрудский, – не дюже радуйся лесу. Дай-ка папироску.

Взяв папиросу из пачки, протянутой Остапчуком, Забрудский помял ее, надломил гильзу по-своему, потянулся прикурить.

Летучая мышь низко пронеслась над головами и исчезла с противным писком.

– Да, напоминаю, – сказал Ткаченко, – завтра ты, Остапчук, по своей райисполкомовской линии обеспечишь всякие там формальности при явке на амнистию...

– Формальности? – переспросил Остапчук басовито-рокошущим голосом.

– Побольше внимания, простоты в обращении. Сумеешь, Остапчук?

– Раз партия приказывает, как не суметь?!

– А тебе, товарищ Забрудский, задача такая – проследи за прессой. Пойдет передовая, я говорил с редактором: тоже побольше ясности, точности, дай примеры, как трудоустраиваются амнистированные, где будут жить и тому подобное.

– Ясно.

– Ну, пока. А то моя Анна Игнатьевна и домой не пустит...

Ткаченко дружески распрощался со своими товарищами и в том же приподнятом настроении легко взбежал на второй этаж, увидел поджидавшую его на лестничной клетке супругу.

– Не наговоритесь никак, – заговорила она. – Я подтопила ванну. Подбрось немного чурбачков. Чайник тоже закипел.

– Не торопись с заваркой, Анечка, – ласково сказал Ткаченко, – разреши передохнуть, понежиться.

Он заранее предвкушал удовольствие. Душ, а потом чай...

Приятно снять сапоги, прокисшую от пота, пропыленную гимнастерку, облачиться в пижаму, ноги сунуть в разношенные тапочки...

Услышав звонок, Ткаченко крикнул жене, чтобы она взяла трубку телефона.

– Это не телефон, кто-то в дверь звонит.

– Узнай кто, вроде бы некому...

Анна Игнатьевна прошла к двери, спросила.

– Откройте! Важное дело, Анна Игнатьевна, – раздалось за дверью.

– Товарищи, ночь уже...

– Мы от генерала Дудника.

– Открой, Анечка! – крикнул Ткаченко. – От Дудника.

Остатки опасений Анны Игнатьевны развеялись, когда она увидела вежливо, с предупредительными улыбками раскланивавшихся с нею двух офицеров в форме МГБ.

– Вы извините, товарищи. Сами понимаете... – Она пропустила офицеров вперед. – Заходите. Павел Иванович сейчас выйдет... Правда, он собирался было принять ванну...

Анна Игнатьевна вошла в кабинет, зажгла верхний свет. Ей хотелось поговорить с незнакомыми людьми да и рассмотреть их получше.

Один из них, капитан, производил впечатление воспитанного, интеллигентного человека, с несколько бледным, тонким, породистым лицом и серыми глазами.

– Вы нас извините за столь поздний визит, Анна Игнатьевна. – Офицер подарил хозяйке улыбку, которую принято именовать ослепительной.

– Не стоит извиняться. Я жена бывшего военного, привыкла... Пройдите, пожалуйста, в кабинет. – Анна Игнатьевна мило смутилась, мочки ее ушей и щеки порозовели.

«Какой приятный, – подумала она, – сколько мы уже здесь, а Тертерьян ни разу не представил их».

Второй офицер, тоже капитан, пока еще не проронивший ни одного слова, был постарше, покрупней, или, как определила Анна Игнатьевна, помужиковатей. У него было широкое, скуластое лицо, запавшие в орбиты глаза и сильно развитые плечи.

«Какие недобрые глаза, какие темные, жесткие губы, – подумала Анна Игнатьевна. – Как разнятся эти два человека...»

Оставив их в кабинете, она вышла. Третий, сержант, высокий, плечистый, с непроницаемым лицом служаки, стоял в прихожей с автоматом на груди.

Дети давно спали. Анна Игнатьевна остановилась у их кроваток, прислушалась. Муж прошел в кабинет, вот прозвучал его голос, вначале громкий, а потом дверь прикрыли, и звуки голосов стали невнятной и глуше.

Вернувшись к детям, Анна Игнатьевна ощутила тревогу, необъяснимую и странную, но очень острую. Но тревога быстро прошла: Анну Игнатьевну, как и всегда, успокоил вид спавших детей. Мальчик недавно перенес корь, и на его щеках и шее еще сохранились следы сыпи. Девочка дышала ровно и тихо.

Анна Игнатьевна поправила одеяло, присела. Мысли ее потекли спокойнее, и она теперь ломала голову, вспоминая, на какого киноартиста походил капитан с изысканными манерами и вкрадчивым голосом, с приятным акцентом. Может быть, поляк или литовец?..

Ткаченко в пижаме вошел в свой кабинет, мельком взглянул на письменный стол и, увидев оставленные на нем бумаги, прикрыл их небрежно брошенным полотенцем.

– Здравствуйте, товарищи! Прошу извинить за, так сказать, неглиже...

Офицер, стоявший у стола, не сдвинулся с места и продолжал молча, с застывшим выражением настороженности, пристально глядеть в упор на хозяина дома. Это был взгляд человека жестокого и волевого. Его молчание, отвердевшие губы, подбородок и сама поза были неприятны и вызвали протест. Но пришедшее к Ткаченко с опытом безошибочное чувство надвигающейся опасности призывало к сдержанности и осторожности.

– Простите, товарищи, вы от генерала?

– Нет! – коротко бросил офицер, стоявший у стола.

– Не от Дудника? – Неприятный озноб пробежал по спине, кровь отхлынула от лица, непроизвольно сжались кулаки. Растерянность и страх, шевельнувшиеся в сердце, тут же исчезли. Заметили или не заметили?

– Мы обязаны просить у вас прощения, Павел Иванович, – первый офицер натянуто улыбнулся краешком бледных губ, отступил на несколько шагов от Ткаченко. Теперь он находился в центре комнаты, под люстрой, отбрасывающей на потолок и лепные карнизы рассеянный свет из-под плоского стеклянного абажура, – за столь поздний визит. – Он наклонил голову как бы в полупоклоне. Тень от козырька закрыла его глаза, зато скульптурно выпукло очертила рот, подбородок и резкие складки у губ. Орденская планка была выполнена по-фронтальному, из плексигласа, ремень потертый, хромовые сапоги сшиты щеголевато.

Второй? Ткаченко достаточно долго прослужил в армии, чтобы догадаться: он не офицер, а некто неряшливо и поспешно переодетый в офицерскую форму да и не пытавшийся убедительно играть свою роль. Он стоял, широко расставив ноги, тесный ворот гимнастерки был растегнут, парабеллум предупреждающе вынут из кобуры и засунут за пояс.

– Так... – Ткаченко собрал всю свою волю. – Зачем пожаловали?

– Вопрос деловой, Павел Иванович, и вполне закономерный, – сказал первый офицер. – Разрешите восполнить пробел, представиться?

– Представляйтесь!

Внутреннее замешательство Ткаченко продолжалось недолго и осталось незамеченным. Он полностью овладел собою, как перед танковой атакой в неравном бою, когда каждый просчет мог обернуться катастрофой.

– Я – Лунь, начальник школы украинской повстанческой армии имени того самого Евгена Коновальца, которому досталось на орехи в вашем сегодняшнем докладе.

Ткаченко перевел вопросительный взгляд на второго.

– Начальник службы безопасности Капут, – сообщил о нем Лунь. – Слыхали?

– Да.

– Он стреляет на звук, – с загадочной усмешкой предупредил Лунь.

– Что же... вам удалось. – Ткаченко прислушался. В квартире было тихо. Нет... Слух уловил всхлип ребенка: так бывает во сне; после перенесенной болезни сын спал беспокойно.

– Не пытайтесь предпринять неосмотрительные шаги. – Лунь внимательно следил за Ткаченко.

– Пришли меня убить? – спросил Ткаченко.

– Нет.

– Вырезать семью? – Голос его невольно дрогнул.

– Нет! – Лунь продолжал изучать Ткаченко. Отступив к стене, он теперь видел ярко освещенное настольной лампой бледное лицо секретаря райкома, его плотно сжатые губы и ненависть в глазах. – Семья пострадает, если вы будете вести себя неблагоприятно, – предупредил Лунь. – Разрешите перейти к изложению наших условий.

– Что вам от меня нужно? Вы все равно ничего от меня не добьетесь.

– Пока не будем загадывать, Павел Иванович. Может быть, и добьемся.

Капут сделал шаг вперед. Его рука по-прежнему лежала на рукоятке парабеллума.

Ткаченко с презрением посмотрел на начальника «эсбе».

– Я встречался со смертью не один раз.

– Мы знаем вас и уважаем, – сказал Лунь.

– Даже? – Ткаченко с усмешкой взглянул в серые холодные глаза Луны. – Прошу заканчивать, господа! И разрешите мне на правах хозяина дома присесть?

Лунь предупредительно выдвинул стул на середину комнаты.

– Итак?

– Итак, товарищ Ткаченко, – Лунь переглянулся с Капутом, выразившим явное нетерпение, – мы присутствовали на вашем сегодняшнем докладе. – Губы его скривились, блеснуло золото во рту. У начальника школы был изящный профиль, вкрадчивый голос, наигранное спокойствие и чисто гестаповская манера вести беседу.

Ткаченко почувствовал в нем опытного, иезуитски изощренного противника. Капут – враг другого пошиба, откровенный зверюга, испытывающий отвращение к тонким комбинациям. Его оружие – пистолет и удавка.

– Я слушаю... – сказал Ткаченко.

– Ваш доклад нам понравился...

– Вам?

– Понравился, – жестко повторил Лунь, – и потому мы приехали попросить вас повторить его для нашего «особового склада», то есть личного состава школы.

– Не понимаю...

– Поймете потом, – произнес он многозначительно. – Но вы не бойтесь...

– Плохо вы знаете коммунистов, – Ткаченко всплился, – бояться вас? Нет, вы плохо нас знаете.

Лунь, не перебивая, слушал, с притворной покорностью наклонив голову. У него достаточно прочно укоренились свои понятия о чести, долге, идеалах; он больше верил в откровенный политический цинизм, чем во все добродетели, которые считал показными.

– Я понял смысл ваших слов, – сказал Лунь, – и обещаю не принуждать вас к нарушению партийного долга. Никто не покушается на вашу честь... – Он говорил медленно, выбирая слова и как бы выстраивая их в твердый, неколебимый ряд. – Мы просим вас поехать вместе с нами в пункт дислокации нашей школы и выступить перед курсантами.

– Перед вашими курсантами?

– Да! Вы не ослышались.

– Конечно, с вашими коррективами?

– Нет! Вы повторите доклад полностью.

– Странно!

– Поверьте, Павел Иванович, – Лунь проявлял нетерпение, – именно так... Если вы не трус... – он сделал паузу, – вы обязаны принять наше предложение. Мы вас отвезем и привезем обратно. Ручаемся за полную вашу безопасность. Мы ждем... Время ограничено...

– А если я не соглашусь?

Лунь вздохнул, поднял мгновенно заледеневшие глаза.

– Тогда мы поступим с вами как с дезертиром и трусом.

Капут зло бросил:

– Уничтожим и тебя и всю твою семью! – Постучал по циферблату наручных часов. – Треба ихать, друже зверхнык!

Лунь оглядел кабинет. Над столом Ленин читал «Правду», Сталин раскуривал трубку. И еще тут была одна фотография – со Сталинградского фронта: на опушке степной лесопосадки, у головной части танка экипаж Ткаченко.

- Сохранилась? – спросил Лунь, указывая пальцем на эту фотографию.
- Как видите.
- Я имею в виду нашу военную форму, Павел Иванович.
- Берегу. Может, еще придется снова надеть...
- Вот и выпал случай, – сказал Лунь. – Где она?
- В соседней комнате.

Лунь обменялся мимолетным взглядом с начальником «эс-бе».

– Чтобы совершить этот маскарад, нам пришлось... потрудиться: потеряли человек десять. Думаете, легко добыть военную машину и одежду ваших офицеров? Мы просим вас – наденьте свою форму, чтобы не возникли подозрения при поездке... Только не вздумайте... Капут сопроводит вас в качестве... камердинера.

Что делать? Решение могло быть единственным. Всякие попытки переиграть закончились бы трагически. Это было ясно. Да, он наденет свой военный мундир и пойдет в бой. Исполнят они свои обещания или нет, теперь уже не столь важно. Он постарается продублировать свой доклад. Пусть ему грозит смерть. Коммунист обязан до конца быть коммунистом.

«Камердинер» неотступно следовал за ним. Звериные законы «эсбистов» допускали применение самых крайних мер в любом необходимом случае. Нельзя зародить никаких сомнений в жестоком, подозрительном мозгу Капута. Расплачиваться придется жизнью близких.

Анна Игнатьевна вышла из детской, остановилась у двери, спросила:

- Ты куда собрался, Павел?
- Не волнуйся, Анечка. Важное, неотложное дело. Дудник просит немедленно приехать. Она прошла следом за ним в спальню. Ткаченко раскрыл шкаф.
- Ты что ищешь?
- Уже нашел. – Он снял с плечиков китель, достал фуражку, которая давненько не наде-

валась.

– Что? Война? – тревожно спросила Анна Игнатьевна.

– Иди к детям, Анечка. – Ему было невмозгалу. Еще минута, и он сорвется, а потом... Железно застывший в прихожей конвоир с автоматом и Капут...

– Когда тебя ждать, Павел?

Что он мог ответить?

– Думаю, к утру справлюсь.

– И чаю не выпил, не искупался...

Вернувшись в кабинет, Ткаченко переоделся в военную форму.

Наблюдавший за ним Лунь похвально отметил:

– Прекрасно вышли из затруднительного положения, Павел Иванович.

– Давайте не терять времени, – сказал Ткаченко.

При выходе из кабинета Лунь посоветовал:

– Чтобы не возбудить подозрений, попрощайтесь с женой.

– Попрошайтесь? – Ткаченко круто остановился.

– А разве вы обычно не прощаетесь?

– Обычно – да!

Анна Игнатьевна не могла сдержать тревоги.

– Неужели такие спешные дела? – Она протянула руку Луню. – Пришли мило, приятно, и вдруг... Нехорошие вы...

Лунь поцеловал ей руку, многозначительно приподнял брови. На лице его было написано огорчение. Анна Игнатьевна снова безуспешно постаралась припомнить, кого из киноактеров напоминал этот красивый офицер с тонкими чертами лица.

Она раскрыла окно на улицу, увидела, как все четверо уселись в поджидавшую их военную машину и уехали.

Хотя от сердца отлегло, все же позвонила на квартиру к Забрудскому.

– Да чего вы перелякались, Игнатъевна? – Спросонья голос Забрудского был хрипловатый. – Коли вызвал Дудник, значит, дело есть. Спешное? А не було бы такое, дождались бы и утра. Форму надел? И то бывает. Щоб свои дуриком не подстрелили.

Он успокоил Анну Игнатъевну. Она прилегла на диван в детской, вначале прислушивалась, а затем крепко заснула.

Глава третья

Крайнее напряжение уступило место общей расслабленности. Павел Иванович больше всего боялся за семью. Бандеровцы, не моргнув глазом, вырезали и старых и малых. Он понимал: поведи себя по-другому, случилось бы непоправимое – противник не бросал угроз на ветер. Теперь опасность для семьи миновала, а об опасности для себя нечего думать: привык. Ткаченко вступил в знакомое состояние борьбы, где все движется согласно законам, не зависящим от желания, поведения или воли одного человека. Его куда-то везут, якобы в лагерь, якобы для выступления перед курсантами. Смешно, конечно, поверить в это: обычный прием – заманить человека и... Дальше все могло случиться: издевательства, пытки... Ткаченко достаточно внимательно изучил практику оуновского подполья.

Почему он понадобился в оуновском лагере? Зачем Луню или Капуту потребовался доклад? Что-то тайлось за всем этим маскарадом, а что именно?

Амнистия – средство борьбы с бандеровщиной. И само собой разумеется – акт политического гуманизма. Что же они противопоставят этому? Судя по всему, «центральный провод» быстро отреагировал на маневр советской стороны и предложил контрмеры. Какие? Ясно, что начальник школы не мог заниматься самодеятельностью. Бандеровцы полностью отвергли мир. Они не шли на компромиссы. Как и всякое буржуазное националистическое движение, они пытались затушевать классовый характер борьбы... Ткаченко невольно усмехнулся: в сознании привычно выстраивались политические формулировки.

Махновщина – детский лепет в сравнении с бандеровщиной. Махновщина родилась на домашней почве, а вот бандеровщина вызрела на Западе, в термостатах гестапо, абвера, польской «двуйки», Интеллидженс сервис... Кому какое дело, что он, Ткаченко, украинец и Капут – украинец. Никто из них и не пытается обратиться к братству по крови. Для простых, наивных людей – одно, для тех, кого на мякине не проведешь, – другое...

Что же ждет его впереди?

Во всяком случае, что бы ни случилось, он не запросит пощады. Он – коммунист и за правду пойдет на любые муки.

Лунь и Капут с обеих сторон сжали его своими плотными, сильными, будто свинцом налитыми, телами.

Городок проехали на большой скорости. Дважды попались патрульные истребительной роты. Военный «виллис» не вызывал у них никаких подозрений. Ткаченко припомнил: кто-то предлагал ввести контрольно-пропускные посты. Что бы изменилось? Можно уверенно предположить: документы у бандитов в порядке, они даже осмелились явиться на собрание. Конечно, будь КПП, можно было бы закричать... Правда, это повлекло бы за собой немедленную расправу не только над ним, но и над его семьей. Приговоры подполья приводились в исполнение неуклонно и беспощадно. Приговор настигал в любом месте, рано или поздно.

Машина шла в западном направлении.

После поля с посевами пшеницы и кукурузы земля начинала постепенно горбиться, складки становились глубже, за низкорослым молодняком по вырубленной в войну крепке зелени лесные массивы с расщельными падыми и горами.

Въехав на лесную дорогу, Капут вынул из парусинового мешка, пропахшего подсолнечным маслом, нечто вроде платка и туго завязал глаза пленнику.

– Просим извинения, Павел Иванович, – с ласковостью в голосе сказал Лунь. – Необходимые меры предосторожности. Применялись еще с древних времен при двусторонних переговорах.

Затем ехали еще около часа. За всю дорогу никто из спутников не проронил ни слова, и человеку с завязанными глазами оставалось одно – думать. Ни капли сомнений не возникло

в душе Ткаченко. Если уж придется испить чашу до дна, что ж, на то он и коммунист. Не он первый, и, наверное, не он последний...

Машина затормозила. Лунь снял с Ткаченко повязку.

– Разомнитесь.

К ним подошли несколько человек в немецкой форме. У каждого кроме револьвера в кобуре за поясом еще и пистолет. Судя по всему, это был командный состав.

Они с мрачной веселостью встретили своих начальников, о которых уже начали было беспокоиться. На Ткаченко, одетого в форму советского офицера, обратили особое внимание.

Лагерь был хорошо замаскирован. На поляне, куда они подъехали, даже трава не вытоптана. Невдалеке, в лесу, под огромными кронами буков, крытые хворостом и поверху задерненные, виднелись землянки. Каждая рассчитана, пожалуй, человек на пятьдесят. Палатки – их было пять – венгерского военного образца, очевидно, для комсостава. Их надежно скрывали от наблюдения с воздуха перетянутые между ветвями маскировочные сети.

Теперь было понятно, почему авиаразведка не смогла обнаружить лагерь.

– Митинг соберем на поляне, – сказал Лунь, отдав распоряжения.

Он стоял, выставив ногу в хорошо начищенном сапоге, покуривал, сбрасывая пепел длинным отполированным ногтем мизинца. Манеры его были подчеркнута снобистскими, улыбка буквально змеилась по тонкому, презрительно-отрешенному лицу. Что-то было в нем шляхетское, этакий подленький мелкопоместный гонор.

Возле Луны в начальственной позе стоял приземистый человек в высокой гайдамацкой папахе и роскошных шароварах. За поясом опереточно яркого кушака виднелись ручные гранаты. Маузер образца Гражданской войны висел на наплечном ремне. Этого человека помимо одежды отличали от остальных командиров вислые, будто приклеенные, усы.

Он отдал команду резким, отчетливым голосом. Нетрудно было определить в нем служаку. Поднятый горнистом по боевой тревоге «особовый склад» перестроился сообразно командам в каре. В центре горели три костра и стояла трибуна.

На трибуну поднялись Лунь, Ткаченко и человек с маузером, продолжавший играть главную роль в этом «лесном спектакле». Он объявил о приезде в расположение школы секретаря Богатинского райкома партии.

Называя должность, фамилию и воинское звание Ткаченко, он заглядывал в бумажку, расправляя ее на своей чугунной ладони и всматриваясь в слова при прыгающем свете костров.

Справившись с трудной для себя задачей, он облегченно вздохнул.

– Давай ты, Лунь! – откашлявшись, сказал наконец. Лунь кивнул, нахмурил брови и, подойдя к перильцам, вначале пощупал их крепость, а потом уперся, плотно сцепив пальцы и подавшись слегка вперед своим стройным, мускулистым телом.

Ткаченко сбоку наблюдал за этим человеком, за его тонким, бледным лицом, за его отточенным выговором с точно расставленными модуляциями.

Лунь, безусловно, был опытным оратором. И его слушали напряженно и внимательно. Шеренги будто окаменели. Двигались, шевелились и создавали феерическое зрелище только косматые дымы костров и резко очерченные на фоне букового леса языки пламени.

О чем говорил начальник оуновской школы?

Он рекомендовал своим людям выслушать секретаря районного комитета партии, который разъяснит политику. Командование хочет рассеять разноречивые слухи, выслушать, что думают коммунисты об «Украинской повстанческой армии», об амнистии...

Лунь трижды полностью назвал УПА – «Украинскую повстанческую армию», ничего не сказал о Советской власти, говорил только о коммунистах. Говорил увертливо, хитро, не угрожал, не обвинял, не полемизировал. Его слова были размеренно-четки, произносились не спеша, с хорошей дикцией. Сухие, бесстрастные, отчетливые... Он говорил ровным голосом,

не волнуясь, только иногда выбрасывая руку вперед и разжимая и сжимая тонкие, длинные пальцы.

Костры разгорелись. На поляне стало светлей. Теперь можно было рассмотреть лица людей, стоявших не только в первых шеренгах каре. С болью в сердце Ткаченко видел молодых, рослых, сильных хлопцев. Разве им заниматься черными делами? Им бы плавить сталь, распахивать земли, сидеть в аудиториях институтов...

Обреченные!

– Начинайте! – Лунь легонько подтолкнул Ткаченко на свое место и стал за его спиной, рядом с успевшим переодеться Капутом.

Теперь на нем был немецкий, застегнутый на все пуговицы, китель и под ним мереженная сорочка.

– Як наш? – Капут ухмыльнулся.

– Послухаешь, сам скажешь, – неопределенно ответил Лунь.

Ткаченко перевел дыхание, шагнул вперед и укрепился подошвами на шатком помосте, наспех сшитом из хвойных бревен и досок. Сойдет ли он отсюда сам, или его стащат с раздробленным черепом – этого, наверное, не знал не только он, но и те, кто окружал его, – эти люди, подчинявшиеся мгновенным вспышкам инстинктов, даже, пожалуй, наиболее выдержанный из них, сохранивший внешнюю корректность, бывший поручик Лунь.

Минутная пауза под тяжелыми, настороженными взглядами выстроенных на поляне людей помогла Ткаченко освободиться от остатков неизбежного в таком положении страха, сосредоточиться, чтобы выполнить свой последний долг.

Внизу, почти достигая уровня трибуны макушками бараньих, заломленных по-гайдамацки шапок, стояли в небрежных позах вооруженные до зубов жандармы службы безопасности – «безпеки». «Нам все дозволено, – как бы говорили их внешний вид, презрительные усмешки, – для нас все пустяк, тем более такая штука, как человеческая жизнь».

Их замысловатые, залихватские прически, языческие амулеты, повешенные на давно не мытые, словно литые, шеи, подчеркивали привилегированность положения. Это была «гвардия трезубца», опричники – правая рука Капута, всеильного главаря карательного отряда бандеровской жандармерии.

Под ногами была плаха. Да, плаха.

И тем более надо держаться спокойно, собрав всю волю.

Как обратиться к ним, замкнувшим его в железный капкан каре?

– Товарищи! – в гробовой тишине, нарушаемой только потрескиванием костров, тихо произнес Ткаченко, заставив всех вздрогнуть от неожиданного обращения, инстинктивно насторожиться, наострить слух. – Товарищи! – громче повторил он и снял мешавшую ему фуражку. – Пид натыском Радянської Армії разом с гитлеровцами дали драпа націоналістичні верховоди, профашистські поборники «самостійної і незалежної»² України. Гестапо і абвер дають завдання превратити вас в «п'яту колонну» і проводити «пидри́вну діяльність». Про озброєння потурбувалися німці³. Вам вони дали тильки жовто-блакитний⁴ стяг і трезуб⁵. Не багато дали вони вам! Вони наказали вам вирізати тисячі невинних людей, не жалиючи дітей, жінок, стариков... Степаном Бандерой був дан наказ переходити у пидпилля для диверсій, для терроризування українського народу...

– Вере быка за рога, – хмуро заметил усатый вожак.

² Самостоятельной и независимой (укр.).

³ О вооружении позаботились немцы (укр.).

⁴ Желто-голубой – цвета украинских националистов.

⁵ Трезубец – эмблема украинских националистов.

– Надумали шилом киселя хлебать, хлебайте! – Капут метнул взгляд на воинственно зашевелившихся жандармов.

Ткаченко оглянулся, увидел спокойно стоявшего Луня, с любопытством прислушивавшегося к глухому рокоту голосов в глубине построения.

Лунь благосклонно кивнул головой оратору, как бы разрешая продолжать.

«Была не была, – решил Ткаченко, – все равно отсюда живым не выйти. Нет, никто не увидит меня униженным или испуганным. Их вожаки привыкли к рабской покорности, пусть поймут свое заблуждение. И кто такие эти вожаки?»

Ткаченко рассказывал об одном из руководителей так называемой «Украинской повстанческой армии» – Климе Савуре, окруженном легендой героизма и бескорыстия. Именно его послал Степан Бандера проверить кадры, перетасовать их, как колоду карт: «kozyрных», надежных, отложить в сторону, остальных, «сомнительных», то есть сомневающихся, уничтожить.

По указанию Клим Савура формировались отряды из тех, кто прозрел – понял правду, их посылали на верную смерть под пули пограничных засад. Того, кто выходил из боя с пограничниками живым, уничтожали сами бандеровцы, их жандармерия, группы «эсбистов», которые, переодевшись в советскую военную форму, зверски расправлялись со своими.

– Це он в тебя запустил каменюку! – прохрипел Капут над ухом Луня. – Ты же зараз в советской форме!

– Да, було так, Капут. Слова из песни не выкинешь!

– Скажи ему, а то я скажу... – Капут схватился за рукоятку парабеллума. – Мое слово – гроб!

– Добре, скажу. Тільки знай, я не из пугливых... – Он указал на оружие. – И у мене воно е, Капут. – Однако Лунь шагнул к Ткаченко, предупредил: – Говорите по условию, только то, что говорили на собрании, – и указал глазами на своих свирепеющих соратников.

– Товарищи! – Ткаченко взмахнул рукой с зажатой в ней военной фуражкой, второй схватился за поручни трибуны и, подав вперед свое не крупное, но сильное тело, выкрикнул: – Не забыты про розправу оуновца Лугинського на Воляни, в Кортелисах! Разом с гитлеровцами оуновцы вирвались в село на пятидесяти машинах, завели на повну мощность моторы, щоб не було слышно стрельбы, взрослых забивали, а детей живыми кидали в крыныщи и ямы и засыпали землей. Так зныщили усе село – близько трех тысяч чоловік. Майно их было пограбовано, а хаты спалени! «Наша влада повинна бути страшной!»⁶ – так казав Степан Бандера.

Ткаченко переждал нарастающий шум. Костры разгорались все ярче. Теперь он мог рассмотреть лица парней, стоявших не только в первых рядах. Курсанты жадно слушали его слова, одни с сочувствием, другие с затаенным страхом, третьи с явной ненавистью.

Он рассказал еще о зверствах оуновцев, а затем о том, как взялась освобожденная Украина за восстановление хозяйства при поддержке России и других республик, как возрождаются колхозы и как они ждут их, молодых хлопцев, для этой полезной работы. Республика призывает вернуться к труду!

– Пожалуй, хватит, – предупредил Лунь, – вы имеете дело с массой, над которой легко потерять контроль.

Вожак в папахе оттер плечом Ткаченко, раздвинул толстые ноги в добрых сапогах со шпорами, посопел, выжидая, пока стихнет говор за его спиной, и повел свою речь на самых низких голосовых регистрах.

Судя по всему, он значился в более высоких чинах, чем Лунь. Взяв на себя руководство митингом, он старался быть точным: не вилял, не хитрил, не оставлял лазеек, говорил прямо и резко; личный состав школы ознакомлен с политикой коммунистов (он махнул рукой на

⁶ Наша власть должна быть страшной (укр.).

Ткаченко), деятельность УПА сокращается по стратегическим соображениям. Часть сил будет выведена на переформирование за кордон. Курсанты, желающие выйти из УПА, будут отпущены после сдачи оружия. Мести не будет, на все добрая воля.

Затем отдал команду Лунь.

Те, кто согласен покинуть школу, сдать оружие и получить амнистию, должны выйти из строя.

Каре не шелохнулось.

– Не верю, гады, – сказал Капут, – зараз не выйдут, сами втечуть...

– Треба повторить, – предложил вожак тихо, оглянувшись на Ткаченко. – Шо тебе, учить!..

Лунь пожал плечами, но приказание выполнил. Он сказал о том, что желающие поступить по воззванию могут свободно распоряжаться собой.

Спустя минуту-другую из задних рядов, пройдя первые шеренги, нерешительно вышли человек сорок.

– Я ж казав, то е у нас курвы, – процедил Капут.

– Где их нет, Капут, – небрежно бросил вожак. – Що ж ты робыв со своей безпекой? – И, обратясь к Луню, добавил: – Хай вси расходяться. А оцих сомкни и задержи...

Подчиняясь команде Луны, каре неохотно распалось. Кое-кто остановился у догорающих костров. Оттуда доносился говор, взрывался невеселый смех и сразу затухал. Перед трибуной продолжали стоять четыре десятка человек, пожелавшие выйти по амнистии. Они стояли в две шеренги: их опрашивали, переписывали.

Лунь, прислонившись к трибуне, курил.

– Что же, Павел Иванович, вы добились успеха, – он указал рукой с сигаретой на курсантов, – отыскивали своих единомышленников. – Голос его прозвучал недобро.

– Вы их отпустите?

– Ну, это уж наше дело, Павел Иванович. Струхнули?

– Нет!

– Верили нам?

– Должны же и у вас быть какие-то принципы.

– Принципы? – Лунь усмехнулся. – Кажется, Троцкий говорил, что на всякую принципиальность надо отвечать беспринципностью.

– Примерно так...

Над верхушками буков нависли стожары. Щедро усыпанное звездами небо, сероватый дым затухающих костров, мягкий, теплый ветерок.

– Поужинаем или сразу домой?

– Домой. – Ткаченко очнулся от дум.

– Да, вы правы, – Лунь усмехнулся, погасил сигарету о трибуну, – поскольку мы обещали...

Он подозвал телохранителя, и вскоре неподалеку от них остановилась машина.

– Садитесь! – пригласил Лунь. Подождав, пока Ткаченко устроится, он приказал шоферу: – Трогай!

Ткаченко устало откинулся на жесткую спинку «виллиса».

В пути прошло минут пятнадцать. Ткаченко услышал позади, там, где остался лагерь, далекую стрельбу. Привычное ухо определило: залпы из винтовок.

Глава четвертая

Судя по всему, выехали из леса: ветви не царапали и не били, и под колесами не чувствовались корневища. Впервые Ткаченко глотнул пыль, и когда машина покатила мягче, конвоец, прислонившись к нему и обдав запахом табака и нечистого тела, развязал мягкий холщовый рушник, снял его, вытер себе нос и положил на колени.

В это время, пока еще далеко позади, возник свет, постепенно увеличивающийся. Конвоец завозился, подтолкнув в спину шофера, и тот прибавил газу. Однако усилия уйти оказались тщетными. Их, шедших с погашенными фарами, вряд ли видели и потому не пытались догнать. Судя по сильному свету, шел бронетранспортер, обычно выпускаемый с известным интервалом для патрулирования магистрали.

Конвоец отодвинулся от Ткаченко, теперь они сидели в разных углах, пленник в левом, бандеровец в правом. Ткаченко заметил пистолет, направленный на него с колена, а ногой конвоец подкатывал ближе к себе валявшиеся на полу гранаты.

– Звертай! – приказал конвоец.

Справа отвечалась грунтовая дорога, уходившая в темноту. Это была полевая дорога, а не тот самый развилоч, куда Лунь обещал доставить Ткаченко. Отсюда было не меньше семи километров до Богатина. Круто свернувшая машина куда-то нырнула, остановилась. Шофер не заметил за кюветом канаву, по-видимому, подготовленную для прокладки кабеля. Конвоец выругался, прыгнул наземь и пособил машине одолеть препятствие.

– Вылазь! – скомандовал конвоец грубо.

Он стоял с автоматом наготове, пистолет был за кушаком. Широко расставленные ноги были обуты в лакированные сапоги с кокардочками на их «наполеоновских» козырьках. Баранья румынская шапка, чуб, начесанный до бровей, губы, презрительно искривленные насмешливой подлостью, свойственной поднаторевшим близ начальства лизоблюдам.

Конечно, конвоец обязан выполнить приказ и отпустить его, а все же надо быть начеку. Место глухое, час воробьиный, скосит запросто.

– Езжай! – приказал Ткаченко.

– О-го-го, мудрый. – Конвоец хохотнул, повел дулом автомата, как бы указывая направление: – Погляжу, як ты потопаешь.

– Я тебе погляжу! Хочешь, все узнает Капут?

– Ладно, коммунистяга, ты як ерш, с хвоста не заглонишь...

Конвоец валко приблизился к машине, влез на переднее сиденье, и шофер, опасливо следивший за приближающимся светом фар, лихо рванул с места, и «виллис» скрылся в аспидной черноте ночи.

Ткаченко выждал, пока погасли звуки мотора, и лишь тогда тронулся к шоссе вялыми, негнушимися ногами, одолевая крутой кювет.

«Как после дурного сна, – подумал он, зябко поеживаясь, – Расскажи, не поверят». Ткаченко шел по тропинке, протоптанной возле шоссе. По голенищам стегали стебли донника, белоголовника, с шелестом осыпая созревшие семена. Он был жив, свободен, мог шагать по этой утренней, росистой траве, и розовый, безветренный рассвет готов был вот-вот распахнуть перед его глазами тот мир, из которого он чуть было не ушел навсегда.

Сколько он прошел, десяток, сотню шагов, пребывая в таком завороженном состоянии, то отчетливо, то в какой-то белесой мути восстанавливая в памяти виденные им картины? Ноги стали тверже, дыхание ровнее, расслабленность ушла, и все тело будто вновь нарощенное: чувствовался каждый мускул, каждая жилка, мозг был окончательно очищен.

«Жив, жив, жив!» Шаги его шуршали по подсыхающей траве.

И трава эта постепенно светлела, потом, позолотев, заискрилась, в спину будто ударило током, и ощутилось тепло. С нагнавшего его бронетранспортера спрыгнули двое в касках, с автоматами, осторожно подошли, окликнули и, когда Ткаченко обернулся, узнали его.

– Товарищ секретарь, чего вы тут? – не скрывая удивления, ощупывая его светлыми молодыми глазами, спросил сержант.

– Чего тут? Мало ли чего... по должности, товарищ...

– Сержант Федоренко! – догадался представиться сержант, продолжая все же вглядываться с тем же изучающим видом, проверяя себя, словно не вполне доверяя своим глазам.

– Итак, сержант Федоренко, подвезете меня до Богатина?

– Який вопрос, товарищ Ткаченко! Прошу простить, товарищ гвардии майор, – он будто только теперь увидел его военную форму, определил звание по фронтовым зеленым погонам, с явно выраженным почтительным удовольствием «прочитал» объемистую колодку орденских ленточек и задержал взгляд на гвардейском знаке с надбитой эмалью, видимо, не раз побывавшем в сражениях. Сержант хотел помочь, но Ткаченко поднял ногу на железный козырек-приступок, что у борта, и чья-то могучая сила перенесла его внутрь машины, за такую надежную сталь, втиснула его между такими милыми, теплыми хлопцами, с ясными глазами, поблескивающими из-под запыленных касок... «Наши, наши, свои прекрасные люди...» – билось в нем, и, не сдерживая своих чувств, он улыбался им; размягчались и их лица, лица соратников, бойцов, куда-то во мглу уходил кошмар минувшей ночи.

Солнце вставало над Богатином, закурчавленным печными дымками, багровели островерхие черепичные кровли, и живой город пробуждался ото сна к новому дню.

«Жив, жив, жив!» Надежным строем вставали яворы, высокие, вечные.

Жена по-обычному, без тени волнения, открыла дверь, подставила теплую щеку для поцелуя, запахнувшись в халатик, ушла, шлепая тапочками, в спальню.

– Ты хотя бы спросила, где я таскался, – весело через двери сказал Ткаченко, стаскивая гимнастерку, пропахшую дымом костров.

– Ладно, чего спрашивать, потом расскажешь, – ответила сонным голосом Анна Игнатьевна. – Если у генерала не покормили, еда на столе, в кухне...

Позвонить генералу? В райком? Нет! Нечего беспокоить ранними звонками. Прежде всего отмыться, надеть чистое белье. Пока вода нагреется, можно перекусить. Ткаченко прошел в кухню и, сидя за столом, медленно жевал холодное мясо.

«А ведь могли прикончить... – Он провел ладонью по груди, ощутил теплоту кожи. – Продырявили бы, как дуршлаг... Выходит, бандиты были на собрании, прокуковал их Тертерьян. Позвоню ему – вот ахнет...»

Закончив туалет, Ткаченко прилег на диван, обдумывая план действий. Прежде всего он попытался представить, куда же его возили.

Время, понадобившееся на дорогу, он знал, и потому по фронтовому опыту мог легко прикинуть километраж. Не исключено, что машина петляла по лесу, чтобы сбить его с ориентации. Но это было, только когда везли в лагерь. На обратном пути, хотя и завязали ему глаза, ехали прямым, не окольным путем: конвоир спешил вернуться в лагерь.

Ровно в восемь Павел Иванович вызвал Забрудского, Тертерьяна, позвонил начальнику пограничного отряда и попросил его разыскать Дудника.

Услышав разговор по телефону, Анна Игнатьевна поняла все. Она остановилась в дверях, ноги у нее онемели, и на побледневшем лице было такое отчаянное, потерянное выражение, что Ткаченко, прервав разговор с Тертерьяном, бросился к ней.

– Как тебе не стыдно, – тихо упрекнула она, – почему ты ничего не сказал? Как тебе не стыдно, Павел?... – А потом обняла его, припала к плечу, всхлипнула: – Ну, почему ты такой...

Прошло? Не знал тогда Ткаченко, обрывая провода телефонов с целью самого наисрочнейшего принятия мер, что в это же самое время в лагере бандеровцев происходила следующая сцена.

Перед рассвирепевшим начальником школы стоял неуклюжий детина, в такой же бараньей шапке, как и у сопровождавшего Ткаченко конвойца, стоял не навтыжку, а «врасхлеб», готовый принять любую кару за невыполнение тайного приказа своего начальника.

На безбородом, скуластом лице этого человека почти не читалось проблесков мысли. Он знал одно: сплеховал, высланный наперед, чтобы «прошить» насквозь секретаря райкома, он испугался бронетранспортера, пропустил его, зарывшись в канаву, не отважился броситься на шоссе, сделать что угодно, любой самый безумный шаг, но свершить... убить отпущенного на волю секретаря райкома. Для исполнения поручения не должно быть препятствий. Только труп его мог бы служить оправданием, труп человека, решившего во имя приказа атаковать даже броневую машину и двенадцать советских бойцов, вооруженных до самых зубов.

Лунь понимал, чем грозит теперь и ему и всей лесной школе его «великодушие и рыцарство». Надо немедленно сниматься, бросать обжитое место, и не птицы они, чтобы перелететь в новое гнездо, не опалив крылья. Ткаченко – опытный человек, а леса не безбрежны. Весь гнев Луня сосредоточился на этом оторопелом, неуклюжем парне, готовом принять любую муку и смерть.

Выдавлив несколько гнусных ругательств, Лунь тряхнул головой, подзывая того самого конвойца, который отвозил Ткаченко:

– С автомата, короткой, в ту же яму...

Анна Игнатьевна подошла к мужу, робко спросила:

– Ты кому звонишь? Куда опять торопишься?

– Добиваюсь генерала Дудника. Надо начинать большой прочес.

– Зачем?

– Выловить, Анечка.

Анна Игнатьевна вздохнула, твердо сказала:

– Вызывай генерала. Раз такая судьба, пройдем через все... Одно скажу, Павел. Советские люди странные, коммунисты – тем более... Они беспокоятся обо всех и меньше всего о себе, о своих детях, женах... Живете вы... Нет, не живете... витеаете... Вот у меня мяса нет на обед, картошки не могла достать, а ты...

– Анечка, впервые вижу тебя такой...

– А иди ты, Павел! Спуститесь на землю. О себе подумайте...

– О себе? А кто же тогда будет думать о других?

– Так для кого же вы работаете? – Анна Игнатьевна махнула рукой и заторопилась, услышав зовущий крик девочки.

Зазвонил телефон. На проводе был начальник пограничного отряда, который сообщил, что с генералом связались и тот срочно выезжает в Богатин.

– Вы спрашиваете, что с теми? – Ткаченко не сразу ответил начальнику пограничного отряда. – Думаю, их расстреляли. Я слышал залпы. Нет, нет, они всех не убьют. Нельзя убить правду, нельзя убить веру. Это люди вчерашнего дня, они – тени. Тени не могут расстрелять будущее. А палачей мы разыщем.

Генерал Дудник заночевал в расположении мотострелкового полка, в бывших казармах польских улан. Здесь, в глухом лесу, немцы оборудовали дома отдыха для летного состава дальней бомбардировочной авиации, подвергнув казармы реконструкции. Бар, устроенный в спортивном зале и расписанный фривольными фресками, ныне закрасили маляры хозкоманды.

Дудник называл казармы «Черной ланью» из-за фонтана с почерневшей от воды, когда-то, видимо, сверкающей бронзовой ланью. Он любил передохнуть здесь. Хорошие комнаты, к тому же красивый, хотя и запущенный, парк и даже небольшое озерцо с окуньками.

Донесение из Богатина требовало срочных действий. Он распорядился направить в район мотострелковую роту, минометную и артиллерийскую батареи и приказал поднять разведывательную авиацию. Генерала интересовала школа УПА, и нельзя было терять ее след.

«Кто бы мог подумать, просто фантастика! – Генерал удивленно разводил руками, заканчивая завтрак. – Живешь, живешь, чего только ни видишь, и вдруг – на тебе! Новое дело. Подумать только, доклад бандитам о бандитах... Глубока человеческая душа! Заглядывай – не заглядывай, все едино дна не разглядишь...»

Из окна было видно, как вытягивались в колонну машины и бронетранспортеры. Генерал надел комбинезон, проверил пистолет, подпоясался, взглянул в шикарное, во всю стену, зеркало – увидел моложавого и еще стройного человека, не так чтобы высокого, но представительного, глаза хоть и без морщинок, а строгие, как ни старайся, не смягчишь. Видно, мало-помалу дает о себе знать профессия. И солидность сама по себе прибывает, еще за полста не переваляло, а уж слышится за спиной шепоток: «Батя пошел». А еще десяток, – стариком назовут...

С такими грустными мыслями генерал молодцевато, на страх годам, сбежал по каменной лестнице.

Косовица заканчивалась. Желтела стерня, и правильными рядками выстраивались охряные копны. Подсолнечник отяжелел, подсох и уже не поворачивался за солнцем.

Встречались крестьяне на высоких, нагруженных снопами возах. Еще год назад вот в таком селянине, в брыле или кокетливой шляпе с перышком, можно было заподозрить замаскированного бандеровца. Загнанные в леса и ущелья бандиты продолжали мешать хлеборобскому делу. Еще и теперь нередки случаи, когда отсекают пальцы записавшемуся в колхоз, еще порой нависает черная хмара бахромчатыми своими краями над селянством.

Наряду с другими генерал Дудник отвечал перед государством за скорейшее восстановление в западных областях нормальной жизни.

Не все сделаешь сам, не везде поспеешь. Разбросанный фронт борьбы с бандеровщиной требовал постоянной собранности, энергичной инициативы. Будучи человеком динамичным, активным и строгим к себе, Дудник был неумолим к подчиненным.

Его побаивались, но уважали.

Генерала встретил начальник Богатинского пограничного отряда майор Пустовойт, не раз получавший нагоняй за медлительность и нерасторопность. Его срывающийся на фальцет голос, рука, вздрагивающая у козырька, выдавали волнение.

«Ну чего, чего он, – раздраженно думал генерал, выслушивая его рапорт, – что я, кусаюсь? Чего он меня боится? Если бы только робость, можно простить. Работу запустил, с каждой мелочью лезет за указаниями, разведку держит на привязи. А вот по бумажкам мастак: в рапорте чепуху распишет с такими завитушками, что ахнешь... Лунь почти под боком хозяйничал, а он только ушами хлопал, дождался, пока райкомовцы открыли...»

Генерал с досадой выслушивал сбивчивую информацию Пустовойта, наблюдая, как подрагивал его острый нос и судорожно двигался кадык на худой шее. Теперь уже все в нем не нравилось генералу. «Надо менять, немедленно менять... Разве таким должен быть оперативный работник? Вырвать бы у соседей подполковника Бахтина...» – подумал генерал в раздражении и уехал из штаба отряда в райком партии в дурном расположении духа.

Слушая рассказ Ткаченко, генерал производил расчеты на своей карте-двухверстке.

– Школа скорей всего находится вот здесь. Горный рельеф, густой лес. – Красный карандаш резко очертил круг. – Надо искать здесь. На месте Луня я бы, пожалуй, тоже выбрал эту химару.

«Химарой» Дудник называл всякое глухое и удобное для бандитов место.

– Придется поручить энергичному командиру найти этого Ракомболя, – сказал Дудник. – Что мне с Пустовойтом делать? Ни рыба ни мясо. Таких нельзя держать долго на одном месте, прокисают. Пришлю вам другого в отряд, обещаю, обещаю...

Ткаченко, в душе соглашаясь с невысокой оценкой боевых качеств нынешнего начальника отряда, все же ценил его отзывчивое отношение к солдатским нуждам, порядочность и доброту.

– Разве в нем дело, Семен Титович? – пробовал он заступиться за Пустовойта. – Меня, стреляного волка, и то заарканили. Тут уж ответственность лежит на всех... – Ткаченко проверил свой пистолет, достал запасные обоймы. – Я с вами поеду в отряд. Будете разрабатывать операцию, может быть, и я пригожусь.

– Поедьте, Павел Иванович. Вы герой дня! – Генерал спрятал карту в планшетку.

От райкома до штаба отряда, занимавшего здание бывшей польской тюрьмы, окруженной высокой стеной, было недалеко. Тюрьма, построенная некогда на окраине, ныне как бы всосалась в быстро расширяющийся город. На западной его окраине рассыпались мелкие домишки, на восточной – закладывали фундаменты под новые многоэтажные здания. Улица, по которой они ехали, носила имя Коперника. На ней сохранились уютные особнячки под черепицей, спрятавшиеся за железными заборами, глазированная плитка тротуаров и мощные яворы – им все было нипочем: гайдамаки, гитлеровцы, бандеровцы.

В «форт», как называли штаб отряда, въехали через центральные ворота, охраняемые часовыми.

Во дворе штаба, на бывшем поверочном плацу, стояли машины мотострелковой части, прибывшей для прочеса. Солдаты в касках, в полевых погонах беседовали, расположившись группами или возились у машин.

Команда «смирно» при появлении генерала заставила всех замереть, а затем все вновь ожило.

Генерал застал начальника отряда за изучением карты. На вялом, с обвисшей кожей, лице и на этот раз без труда можно было обнаружить растерянность. Пустовойт, страдальчески помяв подбородок, взглянул на Ткаченко, доложил:

– Ищем иголку в стоге сена...

Генерал подошел к раскрытому окну, забранному кованой решеткой. Отсюда были видны пушки с зачехленными надульниками и минометы.

Батареи втягивались во двор, чтобы не привлекать на улице внимания прохожих. Сюда же подходили машины с мотострелками.

– Если часть тронулась с места, она должна действовать... – как бы про себя, ни к кому не обращаясь, сказал генерал.

Пустовойт, приняв замечание на свой счет, болезненно поморщился.

– Поисковые группы ведут активный прочес местности, обеспечены радиосвязью, товарищ генерал, – повторил он. – Если что, немедленно доложат.

– Операция подготовлена?

– В предварительной части – да, товарищ генерал.

– Вызовите руководящий состав. Надо все детально обсудить.

Пустовойт распорядился, и вскоре кабинет наполнился офицерами. Каждый из входящих докладывал в соответствии со строевым уставом. У многих были папки с бумагами.

Генерал вглядывался в лица офицеров с пронзительной внимательностью. И хотя Дудник всех их хорошо знал, принимал рапорты так, будто встречался с офицерами впервые, не останавливая, выслушивал их звание, фамилию и должность.

Первым вошел заместитель по политической части майор Мезенцев, потом начальник отделения разведки майор Муравьев с наиболее объемистой папкой и свертком карт; с тороп-

ливой поспешностью, отдуваясь от жары, представился начальник штаба майор Алексеев, тоже имевший карты и коробку с цветными карандашами и кнопками...

Когда все расселись за длинным столом, генерал посоветовал Ткаченко заняться пока своим делом.

– А то мы долго будем искать иголку в стоге сена...

Пустовойт покраснел, слабая улыбка быстро погасла на его губах.

Ткаченко вернулся в райком. В четыре часа Дудник, позвонив, сообщил, что поисковая группа капитана Галайды обнаружила расположение лагеря, но Лунь со всей школой ушел в неизвестном направлении.

– Если не передумали, я за вами заеду.

Оперативный отряд вышел из Богатина в начале пятого. В пути Ткаченко поделился с генералом своими впечатлениями и остановился на мучившей его догадке об оружейных складах, которые так явственно слышал он при возвращении из лагеря в Богатин.

– Не могу забыть, Семен Титович. Вроде виновным себя чувствую, – закончил Ткаченко, – если тех, вышедших из строя, расстреляли...

Дудник постарался успокоить Ткаченко:

– При чем тут вы? Главари школы догадывались о брожении среди курсантов, хотя точных сведений не имели. Им надо было очистить свои ряды, и они очистили их. Любыми средствами, так или иначе они уничтожили бы колеблющихся. Вы лишь ускорили этот процесс.

– Ускорил?

– Да! Но вы и углубили трещины. Эта жестокость, кровавая расправа многим откроет глаза. Лунь покарал их. Мы отыщем и покараем Луня. – Генерал вытер лоб платком и, взглянув на Ткаченко, добавил: – Мы разыщем его. Границу перекрыли надежно, а здесь ему от нас никуда не уйти.

Глухая дорога была размята гусеницами машин. На развилках дорог направление указывали маяки-мотоциклисты в стальных касках. Пустовойт успел «обкатать» незнакомую дорогу, и генерал похвалил его.

– Что хорошо, то хорошо, – сказал генерал, чтобы Ткаченко не упрекнул его в непоследовательности, – плохо, что Пустовойта приходится всякий раз подталкивать.

«Виллис» раскачивало и шатало. Шофер спрямил путь, но он не оказался короче. Генерал был настороже, переместил кобуру на ремне поудобнее, положил автомат шофера к себе на колени.

– Поле слышит, а лес видит, – сказал он, как бы оправдываясь. – Мой отец плотогоном был, помню, говорил: «Не доглядишь оком, заплатишь боком».

К поляне все же добрались благополучно. Жадно глядывался Ткаченко в знакомые очертания деревьев, они днем казались ниже и менее стройными. Вот и остатки костров с дымящимися бревнами и обгорелым тряпьем. Виднелись землянки. Палаток не было. На опушке стояли машины с минометами и два «студебеккера» пограничников.

Капитан Галайда подошел строевым шагом, без запинки отрапортовал, чеканя слова, он как бы выстраивал их в шеренгу.

– Обнаружили подземный стрелковый тир. Минный погреб противником взорван при отходе, товарищ генерал! – закончил Галайда. Пожал протянутую генералом руку и отступил на шаг в сторону.

Дудник заметил стоявшую в отдалении группу пограничников из линейной заставы Галайды. Некоторых из них он хорошо знал, только позавчера побывав на заставе, он говорил с ними. лейтенант Кутай и сержант Денисов, оперативники, привлекавшиеся отделением разведки штаба отряда для особо важных заданий, пользовались заслуженной популярностью, выходящей за пределы заставы. Генерал подошел к ним, поздоровался.

– Надежные хлопцы, – обращаясь к Ткаченко, сказал генерал, – закалились в боевом огне уже после войны... – Он хотел еще что-то добавить, но, заметив Пустовойта, подталкивавшего к нему младшего лейтенанта, замолчал.

Младший лейтенант Строгов, командир мотострелкового взвода, доложил о разминировании подходов к лагерю и, немного замешкавшись, сообщил, что им обнаружена свежая могила.

– Могила? Общая? – Генерал обернулся к Ткаченко, и, хотя ничего не сказал, взгляд его как бы выразил: «Ну вот, оба мы оказались правы».

– И трупы обнаружены? – спросил генерал.

– Обнаружены, товарищ генерал, – ответил Строгов, – мы сделали пробный шурф. Судя по обмундированию, курсанты школы. – Переборов короткое замешательство, добавил: – «Украинской повстанческой армии», товарищ генерал.

Генерал с досадой махнул рукой и обратился не только к докладывающему ему офицеру, но и ко всем невольным свидетелям их разговора.

– Армии? В армии другие порядки. Бандиты – вот кто они! Как бы себя ни называли, – бандиты! Когда же они успели вырыть могилу?

– Использовали одну из взводных землянок, товарищ генерал.

– Землянку?

– Землянки глубокие, – пояснил Строгов. – Трупы уложены плотно, в три пласта. Каждый пласт покрыт плащ-палаткой немецкого армейского образца, товарищ генерал!

– Ну, ведите, товарищ младший лейтенант, к этой могиле!

Строгов шел впереди четким шагом. Младший лейтенант недавно окончил офицерское училище. Туда он попал, исполняя волю своего отца, старого служаки, одного из незаметных и скромных героев Гражданской войны, носивших орден Красного Знамени на алом банте. Без особой охоты начав учебу, молодой человек постепенно втянулся, обзавелся отличными товарищами, полюбил училище, армию и свой род войск – пограничный.

Приближались сумерки. Старые буки с мохнатыми, замшелыми стволами, широко раскинувшие свои густые кроны, почти не пропускали солнца. Трава под деревьями была вялая и редкая, валежины, гнилые и ломкие, трещали и рассыпались под ногами. Нередко, словно белые, исхлестанные дождями и ветром черепа, виднелись из земли круглые камни, плотно обросшие с северной стороны мхом, с седыми отливами зелени.

Они шли по разминированному проходу в лесной целине, обозначенному свежими зарубками на стволах.

Наконец они достигли лагеря школы; ничто не выдавало сверху его присутствия; вокруг дремучий, девственный лес, не срублено ни одного дерева, не вытоптана трава, не помят кустарник и подлесок. Землянки сообщались между собой умело замаскированными траншеями, которые одновременно были приспособлены для ведения круговой обороны и имели удобные запасные выходы в глухое ущелье.

И землянки и ходы сообщения были настолько искусно спрятаны, что можно было пройти невдалеке от них и ничего не заметить.

– Опытные, ловкие, каналы, – заметил Дудник. – Сколько раз я предупреждал, с ними надо держать ухо востро... – Слова были обращены к Пустовойту, покорно принявшему этот упрек и в знак согласия наклонившему голову. – Э, да тут уже нас опередили!

Возле раскопок у общей могилы негромко разговаривали штабные офицеры, только что приехавшие по вызову. Прибыл и представитель военной прокуратуры, подполковник юстиции, деловые качества которого хорошо знал Дудник. Внешне же это был несколько суматошный бодрячок, заработавший к сорока пяти годам брюшко и лысину. Увидев подходившего генерала, он направился к нему доложить о своем прибытии.

– Здравствуйте, Александр Петрович, – поприветствовал Дудник, – успели из Львова?

– При сегодняшних транспортных возможностях, товарищ генерал... – Лицо подполковника отмякло в добродушной улыбке.

– Познакомьтесь: секретарь Богатинского райкома Ткаченко.

– Очень кстати, товарищ Ткаченко, вы мне будете крайне нужны, – сказал подполковник. – Если фантазмагория, о которой мы краем уха слышали, подтвердится...

– Только, Александр Петрович, не заводите дела на Павла Ивановича, а то пришьете ему связь с бандеровцами...

– Что вы, что вы, товарищ генерал! Как можно?..

Бойцы вытаскивали трупы и укладывали их в десяти метрах от ямы. Вынося трупы, они протоптали дорожки по глине, выброшенной из могилы. Каждого убитого фотографировали, осматривали его одежду, искали документы.

На кромке поляны стояли два бронетранспортера с водителями и стрелками наготове. Человек десять мотострелков наблюдали за разгрузкой могилы. Металлические щупы, приспособленные для поиска схронов, были очищены от земли и закреплены ремнями на бортах за скобы.

Генерал подошел к бойцам, взмахом руки отставил рапорт старшего, обратился к первому, ближе всех стоявшему к нему рядовому:

– Как фамилия?

– Рядовой Горчишин, товарищ генерал! – Солдат ответил звонко, с юношеской непосредственностью и гордостью за оказанную ему честь разговаривать с генералом.

Ветер качнул верхушки буков. Покружившись, медленно упали на землю желтые листья. Где-то неподалеку застучал дятел.

Генерала заинтересовал молоденький солдат Горчишин, отличавшийся от привычных ему фронтовиков, заинтересовал как человек, призванный в армию после войны, как один из тех, кому предстоит продолжить дело обороны.

– Вот так, товарищи, война окончилась, а убийства продолжаются.

Горчишин промолчал. Слова генерала не были обращены непосредственно к нему. Карие глаза молодого солдата с бахромчатыми ресницами глядели доверчиво.

– Вы кем были до призыва, товарищ Горчишин? – спросил Дудник.

– Комсомольским работником. И сейчас член комсомольского бюро, товарищ генерал.

– В стычках участвовали?

– Участвовал, товарищ генерал. Я из минометного расчета.

Подходили еще бойцы.

– Знаете, кого выкапываем, товарищ Горчишин?

– Точно не знаем. Говорят, «эсбисты» расстреляли курсантов, захотевших выйти по амнистии.

– Верно. Слепые убили прозревших. – Генерал присел на бревно, снял фуражку. – Молодых хлопцев побили. Молодых? – спросил он одного из офицеров, производивших раскопки.

– В основном молодежь, товарищ генерал. – Офицер провел пальцем по списку: – Пятьдесят один.

– Пятьдесят одна жизнь. Могли стать хлебобобами, студентами, шахтерами. Сначала их соблазнили на разбой, спровоцировали, а потом жестоко поубивали. Вот какой враг перед нами. Своих не жалеют. Навязали нам кровопролитие, чем мы должны отвечать? Найдем убийц, предадим справедливому возмездию... – Генерал закурил, разрешил и остальным, пригласил присесть Ткаченко и подполковника. Пустовойт продолжал стоять.

– Чем скорее выведем гниль, тем лучше – точит шашель наше большое здание... Мы закончим службу, начнем бороться со своими хворобами, а вам продолжать... У меня у самого сын, товарищ Горчишин, в этом году аттестуется на зрелость. Советую ему идти в военное училище, мнется... Спрашиваю: «Чего мнешься?» – Отвечает: «Война кончилась, а следую-

щая, согласно периодике, будет не раньше как через двадцать пять лет». Видите ли, объявились новые менделеевы, изобретают свои периодические системы. «Ну и что, если через двадцать пять? Служи себе и служи», – говорю сыну. А он: «Столько лет без дела терять. Не то что ордена, медали не заслужишь...»

Генерал надел фуражку, взгляделся в лица солдат.

– Если все так будут рассуждать, кто пойдет учиться военному делу? А враги могут навязать войну в любой выгодный им момент, начав на эту периодику. Тогда что? Побьют. Некому будет давать медали... – Солдаты заулыбались. – Дошло? Вечный мир до первой драки. Подал сын в военное училище. Если примут, буду рад. – Он обратился к младшему лейтенанту Строгову: – Вы-то какое училище окончили?

– Петергофское, товарищ генерал.

– Хорошее училище... – Генерал поднялся, давая понять, что разговор окончен, и, обратясь к Пустовойту, добавил: – Теперь наша задача – догнать и разгромить Луня.

Глава пятая

Преследование Луны, уходившего в северо-западном направлении, вели два оперативных отряда. В каждом из них было по неполной роте мотострелков с легкими орудиями и минометами.

Одним из отрядов командовал старший лейтенант Пантиков, человек осмотрительный, неторопливый, старавшийся не подвергать вверенных ему людей ненужным опасностям. Некрупный, плотный мужчина из крестьянского рода, с размеренными движениями, окаяющей речью, вологодец Пантиков не раз был проверен в боях с мелкими группами оуновцев. Теперь ему хотелось помериться силами с Луном и его якобы намертво сплоченной школой.

Младший лейтенант Строгов, командовавший мотострелковым взводом, и внешне и складом характера резко отличался от своего комроты. Стремительный, горячий, храбрый до того предела, который именуется безрассудством и не поощряется в армии. Поэтому Пантиков, хотя внутренне и любовался Строговым, держал его как бы на привязи, а чтобы не зарвался в боевом поиске, назначал его чаще всего в арьергард. Во взводе Строгова служил по первому году тот самый рядовой Горчишин, с которым разговаривал в базовом оуновском лагере генерал Дудник.

В авангарде отряда шел проверенный следопыт лейтенант Кутай со своей группой из пятнадцати человек со старшими нарядами – сержантом Денисовым и старшиной Сушняком.

Пантиков встретился с Кутаем впервые, однако полностью доверял ему, так как ранее был наслышан о нем, к тому же его рекомендовал сам генерал Дудник.

Нельзя замести следы поспешного отступления сотен людей: профессиональное чутье контрразведчика, опытного следопыта, редко подводившее Кутая, безошибочно направило его по петлявшей тропе Луны, который уводил школу имени Евгена Коновальца в глубину области.

Капут уходил к границе, имея с собой тридцать «эсбистов», наиболее отъявленных головорезов, и столько же курсантов-минометчиков. Продвижение группы Капута засекли, но причина разделения сил оуновцев была пока непонятна. Границу в направлении движения Капута надежно перекрыли пограничные заслоны.

Двое суток, с короткими привалами, мотострелковый отряд Пантикова шел за Луном. На третьи, в знойный полдень, отряд втянулся в село Козюбы, где Пантиков решил сделать привал – дать отряду отдых. Козюбы – одно из глухих сел, располагавшее крепкой прослойкой крестьян, занимавшихся лесным промыслом. Часть селян в недалеком прошлом обслуживала крупного винодела и винокура, галицийского поляка, ушедшего с немецкими оккупантами.

Село было заманчиво для бандитов – кругом горы и густой лес. В любую минуту можно уйти, скрывшись в тайных схронах. Не по душе было это село Кутаю. Стоял он возле Пантикова, надвинув фуражку на лоб, молча изучал понятные его опытному глазу приметы.

Отряд располагался на просторной, высланной камнем площади: траки грохотали, высекали искры, тугие струи выхлопных газов прослаивали прозрачный, знойный воздух.

Не успели машины занять бивачные порядки, как с них спрыгнули бойцы, организованно и привычно рассыпавшись, согласно установленной схеме, для прошупывания стогов и сеновалов, тайников, спрятанных глубоко под землей, – схронов. Техника продолжала прибывать. Орудия, их было четыре, – низенькие противотанковые пушки как бы однооко прижмурились на избранных огневых позициях. Расчеты приготовили снаряды, протерли оптику. Минометы пока не сгружали.

Село замерло, насторожилось. Толпившиеся у потребиловки в очереди женщины и ребята, пришедшие за керосином, брызнули в рассыпную. «Если люди прячутся, значит, боятся», – подумал Кутай. Кого? Своих бойцов? Нет, это исключалось. Пусть пока еще не вос-

торг, но терпимость, надежда и любопытство неизменно сопровождали колонну в пути. Выходит, перепугались бандитов. Может быть, откуда-то наблюдают те?

Размышляя таким образом и поджидая веерообразно разсланных разведчиков, Кутай искоса наблюдал за Пантиковым, явно проявлявшим несвойственное ему нетерпение и даже нервозность.

Пантиков курил без удовольствия, машинально чиркая спичкой, разжигал очередную трухлявую папироску, грыз бумажную гильзу.

К нему являлись с донесениями «щупари», не обнаружившие ничего утешительного. Кухни уже доваривали козлятину, допревала перловая каша, что означало – прошло почти два часа, а намеков на присутствие бандитов никаких. Обнаружили в одном подвале несколько винтовок, в другом месте разобранный пулемет; нашли седла, тоже мадьярские, их могли побросать в свое время ошалело убежавшие гусары.

– Два часа хватаем дым шилом, – бурчал Пантиков, прожигая горячим взглядом Кутая. – Мы его тут вышариваем, а он дал драпа в противоположном направлении и кажет нам дулю...

– Что вы предлагаете, товарищ старший лейтенант? – сухо зато спросил Кутай.

– Предлагаю, как и задумано было раньше, устроить большой привал, возможно, и ночевку, а потом – утро вечера мудренее...

– Яснее?

– Продолжать действовать прочесом.

– Рассыпать отряд?

– Зачем его рассыпать, лейтенант? Не мешок с крупой.

– Тогда не прочес, а движение. Куда? – Кутай вопросительно взглянул на Пантикова. – Неизвестно. Ведь след оборвался здесь.

– Откуда это видно?

– Я обследовал выходы из села.

– Когда вы успели? – недоверчиво спросил Пантиков.

– Я был впереди отряда.

– Понятно. – Пантиков принял очередной доклад, приказал проверить горячее в баках. Его беспокоило, что до сих пор не подошел бензозаправщик. – Итак, дорогой поводиры, что же, по-вашему, выходит, Лунь сквозь землю провалился?

– Ему хорошо, Луню, – пробурчал Кутай. – Ему горячее не нужно, уходит на подошвах, а нам сколько колес надо крутить...

– Может быть... – Пантиков продолжал жевать окурок, его круглое, простоватое, прихваченное неровным загаром лицо выражало пренебрежительное неудовольствие.

Кутай с повышенным нетерпением поджидал разведчиков, посланных для тактического опроса местных жителей. Не могли же раствориться двести человек, или сколько их там осталось от школы после расстрела инакомыслящих и ухода жандармерии. Тайна исчезновения Луня должна быть разгадана. Разведчики не могли появиться с пустыми руками. Но поди объясни это Пантикову, строевому военному человеку, привыкшему к прямым и ясным приказам и действиям. Его учили драться, бить врага. Кутая тоже учили этому. Но и не только этому. Он должен был знать тактику действий внутреннего врага. И он ее знал. С внешним противником хоть не легче, зато проще. Здесь же как ни крути, а многое упиралось в местное население. Логически рассуждая, Кутай не мог допустить мысли, чтобы кто-то из жителей Козюбы не видел, куда делась банда. Не бесплотные же духи эти курсанты оуновской школы. Есть бандиты, есть, к сожалению, их пособники, но нет бандитских сел! Уж это-то он хорошо знал, не раз проверено на практике.

Пантиков крепко надеялся на лейтенанта Кутая, достаточно известного в пограничных войсках. Приданная мотострелковому отряду группа Кутая была укомплектована опытными разведчиками, физически выносливыми и с полуслова понимающими своего командира. Глаза

и уши авангарда до сих пор не подводили: шли наверняка по свежему следу, не затоптанному и не смытому дождями. И вот сотни отпечатков кованых сапог вдруг оборвались.

Служебные собаки вряд ли взяли бы след, пропавший в мелкой речушке, петляющей по облизанным голым камням. Берега речушки – будто каменное корыто, ни песка, ни земли. Разведчики определяли движение уходивших от них людей по еле уловимым приметам. Осматривался каждый перевернутый камешек, надлом веточки, примятый бурьянок, даже пепел от махорки. Все эти следы вели в Козюбы – и вдруг уперлись, как в стенку...

Кутай мысленно выстраивал факты, доводы в логический ряд поиска, привлекая к этому весь свой опыт. Он ждал своих ребят с новыми сведениями, пусть даже куцыми, все пригодится, думал Кутай, никакой мелочью, намеком нельзя пренебрегать, надо торопиться снять озабоченность у Пантикова, хорошего, беспокойного командира, горевшего одним желанием выполнить приказ генерала.

«Что же делать дальше? – рассуждал Пантиков. – Как говорится, или – или... Или отступить командованию депешу – «просить пардона», или продолжать бродить с завязанными глазами в надежде отыскать одну из ста дорог, которые были в распоряжении Луны».

Пантиков наблюдал за продолжавшим молчать Кутаем. Ишь, какие у лейтенанта твердые губы и тяжелый, как из стали отлитый, подбородок. Однако не скрыть и ему своих чувств, выдают подрагивания икр и беспокойные, мелкие морщинки у переносицы. Черные, упрямые глаза что-то напряженно выискивали среди запрудивших площадь машин и бойцов, однообразных из-за их обмундировки и одинаково необношенных касок.

Кутай приподнялся на носки, взгляделся пристальней, даже шагнул вперед. Среди серо-зеленоватых касок бросились в глаза три фуражки – ими отличались люди из группы Кутая, – потом одна исчезла, и вскоре старшина Сушняк и сержант Денисов приблизились к офицерам.

Денисов остановился в десяти шагах, все еще тяжело дыша, а Сушняк, полностью овладев дыханием, подошел к ним вплотную.

– Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант? – Сушняк подбросил ладошку к виску, чуточку задержал и опустил ко шву пыльных брюк.

– Давайте, давайте, товарищ старшина! – поторопил его Пантиков.

Сушняк переглянулся со своим лейтенантом и, как бы получив разрешение, доложил о том, что след бандитов отыскан, противник, судя по словам одного из жителей, «забазировался» на заранее укрепленных позициях в винных подвалах, находящихся под землей – под их ногами. Сушняк притопнул каблуком.

– Под ногами? – удивленно переспросил Пантиков.

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Погребка расположена под площадью.

– А где вход? – спросил Кутай.

– Магометов выясняет, товарищ лейтенант. У местного жителя.

– Я знал, не могли же они провалиться сквозь землю, – облегченно произнес Кутай.

– Как «не могли»? Именно под землю и провалились. – Пантиков не скрывал своей радости. Отчетливо-громким голосом, в нем теперь не оставалось и капли недавней слабости, он распорядился очистить площадь, растянуть технику, поставить орудия на огневые позиции. – Чудес не бывает, Кутай, – сказал он весело и тут же увидел Магометова, спешившего донести о том, что рабочий вход в подвал обнаружен. Его указал крестьянин.

Желание Строгова ворваться в подвалы «шквальным штурмом» было отвергнуто осторожным Пантиковым и не поддержано Кутаем. Бандеровцы заранее готовили свои подземные схроны, нередко вместе с гитлеровскими фортификаторами, и делали все по науке. Если Луны занял подвалы, зная, что за ним увязалась погоня, значит, он предусмотрел многое.

Пантиков, Кутай, Строгов и командир второго мотострелкового взвода Подоляка, вызванный на рекогносцировку, лежали, скрытые кустами бузины и боярышника, и изучали разведанный Магометовым вход в винные подвалы.

Хотя в овраге и вблизи рабочего входа было подозрительно безлюдно и валялись искореженные рельсы узкоколейки и вагонетки, к которым, по всей видимости, давно не прикасались, все же сомнений не оставалось: враг вполз сюда и притаился, выжидая. Теперь можно объяснить исчезновение следов. Открытой дороге Лунь предпочел каменное днище оврага, двигался вначале по воде, а потом свернул к Козюбам по сухому. Выигрыш во времени позволил ему значительно опередить погоню, замести следы и спрятаться в тайные, заранее подготовленные схроны.

В торцовом отвесе оврага, в подпорной стене, напоминающей железнодорожный акведук, были ворота из клепаной котельной стали, высокие, крепкие, покрытые матовой ржавчиной. Складывалось впечатление, что ворота были навешены не при старом хозяине – ему была ни к чему такая роскошь. К тому же на внешней их стороне не было запоров. Значит, они запирались изнутри. А зачем это хозяину! Да, дотошно старались немецкие саперы, готовя бункер для оуновского подполья.

Пантиков опустил бинокль, поглядел на неподвижно лежавшего Кутая, пристально изучавшего место.

– Ни одной амбразуры. Что бы это значило?

– Амбразуры появятся, когда распахнутся ворота, – сказал Кутай. – Эти номера нам известны...

– А как их открыть? – Пантиков полез в карман за папироской, вспомнил, что сам приказал не курить, покряхтел, сунул пачку обратно.

Солнце припекало нещадно. Гроздь созревшей бузины вяло свисали на тонких стеблях. Желтые листочки боярышника цепко держались на прутьяных жестких веточках. Снизу, из-под пенька, вытягивалась ядовитая семейка поганок.

В слабо подсиненном небе ни облачка, и потому глубина его казалась бездонной. Стремительно, словно пернатые истребители, пронеслись клинтухи, дикие голуби, и где-то внизу, в овраге, заворковала горлица. «Давно здесь не стреляли», – подумал Кутай, прислушиваясь к безмятежному голосу птицы.

– Что будем делать? – спросил Пантиков.

– Одно остается – открыть двери, поглядеть, что там, – сказал Кутай.

– И как же ты намерен их открыть? Замок-то с той стороны.

– Взрывать, товарищ старший лейтенант. Есть взрывчатка?

– Прихватил и шнур и детонирующее устройство...

– Взорвем, а потом... – Быстро вмешавшийся Строгов осекся, поймав взгляд командира роты.

– Штурма в вашем понимании, товарищ Строгов, не будет, – сказал Пантиков, твердо округляя каждое «о», – грудь в грудь, штык в штык – не будет... – Хотел еще что-то добавить, но ограничился тем, что приказал Строгову подкатить на прямую наводку пару орудий и доставить взрывчатку.

Когда Строгов ушел, Кутай сказал:

– Орудия-то у нас не дотовые, не того калибра.

– Не того, правильно, – согласился Пантиков, – зато вполне подходящи против живой силы. Если рискнут на вылазку, мы их встретим огнем.

– Если вылазка, тогда да, – согласился Кутай.

Орудия подкатили вручную, выбрали позиции, расшили ящики снарядов. Взрывчатку поднесли осторожно, используя мертвое пространство, чтобы не попасть под огонь, если бы вдруг распахнулся бункер.

Возле безмолвных ворот минеры работали споро и в открытую, что беспокоило осторожного Пантикова. Заряд следовало заглубить, чтобы дать ему силу.

Пока минеры работали у ворот и выводили шнур, Строгов расположил свой взвод. Бойцы были под стать ему, здоровые, смышленные парни, призванные после войны. Наслышавшись о героических подвигах, они так же, как и их командир, горели желанием драться. Бойцы любили своего комвзвода, его распоряжения понимали с полуслова и, проверенные в стычках, доказали свое право называться лучшим взводом роты. Строгов ценил их усердие, гордился ими, повышенно требовал с них и находил всякие способы к поощрению.

По приказу Пантикова позиции занял и второй взвод. Спокойный и даже медлительный лейтенант Подоляка рассредоточил бойцов, заставил их обеспечить укрытия, нацелил пулеметы. Он приказывал ровным голосом и часто повторял свое любимое: «Так-так, хлопцы-молодцы!»

Строгов спустился в овражек, прилег возле Кутая, выжидая, пока командир роты закончит наблюдение.

– Штурма не миновать, – повторил свое Строгов.

– Хочется подраться? – спросил Кутай.

– Хочется не хочется, а не миновать. На волю их не выманишь. Нет ли у них запасных выходов? Протопчемся возле ворот, а они дунут в горы...

– Не исключено, но об этом мы уже подумали, – сказал Кутай, – меры приняты.

– Тогда надо поскорее брать их.

– Всякий овощ берут по-разному, Строгов. Бурак дергают, гарбуз срывают, горох вышелушивают...

Строгов понял намек.

– Будем вышелушивать?

Рванул взрыв. Саперы сработали отлично. Повторять не пришлось. Когда эхо отрокотало и дым рассеялся, взорам представился разрушенный вход. Одна створка ворот была вырвана, измята и отброшена, вторая, звездообразно лопнув, завернулась кверху и напоминала некий фантастический железный цветок, возникший на сером фоне каменного подпора.

Предположения Кутая подтвердились. За воротами обнаружилась стена, сложенная из дикого штыба, и в ней амбразуры.

– Так... – Пантиков протянул Кутая бинокль. – Поручик Лунь зря времени не терял.

Кутай и без бинокля видел амбразуры, пока безмолвствующие. Желание Пантикова обстрелять вход из орудий вначале могло показаться заманчивым, но нужно ли раскрывать артиллерию заранее, зная, что снаряды противотанковых пушек не причинят большого вреда укреплению?

– Есть ли там кто-нибудь? – Пантиков явно страдал от неопределенности.

– Сейчас проверим. – Кутай подозвал сержанта Денисова, распорядился, и тот пополз к пролomu в воротах. На Денисова можно было положиться: если он брался, дело доводил до конца, рисковал, но голову не терял.

Денисов умело, словно ящерица, подполз сбоку почти к двери и, выбросив правую руку в энергичном рывке, швырнул гранату.

Оттуда, огрызаясь, ударил крупнокалиберный пулемет.

К Строгову подполз Горчишин.

– Разрешите, товарищ младший лейтенант? Я бы их сумел... – жарко выдохнул он.

– Отсюда брать не будем. Они ждут нас, как ворон крови, – сказал Кутай.

Вернулся Денисов, прилег в бурьян, вытер лицо платком, приготовил гранату. Горчишин наблюдал за Денисовым с юношеским восхищением. И ему страстно хотелось вести себя так же спокойно, без всякой рисовки, так замечательно просто, с явным пренебрежением к смерти, как этот сержант, державшийся с потрясающей деловитой невозмутимостью.

– Да, ты прав, – сказал Пантиков, оценив положение, – вход крепко блокирован.

– Будем брать измором? – спросил Кутай.

– Кабы время было, можно и измором. Но времени нет. Посоветуюсь со старшими, обрисую пейзаж... – Он кивнул в сторону пушек, притаившихся, будто с любопытством нацеливших свои тонкие стволы на ворота. – Здесь им не прошмыгнуть. А вообще следует дожидаться вечера. Я буду на КП, возле потребиловки.

Он оставил лейтенанта Подоляку за старшего, проинструктировал его и уполз, ловко применяясь к местности.

Кутай снял свою группу, разрешил солдатам похарчиться, передохнуть, узнал место сбора, а сам, взяв с собой только сержанта Денисова, направился к командному пункту.

Молча, с невозмутимым, будто застывшим, лицом бесшумно следовал за ним Денисов. С Денисовым можно было чувствовать себя в безопасности, расслабиться – сержант сумеет предупредить всякие неожиданности. Он словно верный и преданный телохранитель.

Командный пункт выглядел теперь солидно: столик под навесом, бланки радиogramм. Тут же расположились дежурные радио- и проволочной связи, мотоциклист с автоматом под мышкой, замполит, инструктирующий комсорга, миловидного паренька с золотистыми ресницами, офицер, по-видимому, начальник боепитания, инженер-капитан, смачно допивающий банку абрикосового компота.

Пантиков успел умыться, причесать мокрые волосы и, устроившись на гнущем стуле, грыз макуху. Старший лейтенант был в хорошем расположении духа. Кутай присел на ступеньку, снял и отряхнул фуражку.

– Угощайтесь! – предложил Пантиков.

Дежурный связист отбил гирькой кусок макухи, подал Кутая.

– Вкусно, не правда ли? – От Пантикова пахло маслoбойкой и пресной водой. – У нас, если и поступает жмых на эм-тэ-эф, молотом его не возьмешь. А здесь кустарного давления, нежный, мягкий, а запах какой... Скажи спасибо нашему хозяину, – указал глазами на стоявшего поодаль в подобострастной позе грузно-рыхлого человека, бритого наголо и потому напоминавшего арестанта. На нем были растрескавшиеся лакированные сапоги, брюки военного покроя, вытянутые пузырями на коленках, рубаха грязно-кремовая, пожалуй, некогда атласная, зато жилетка бросалась в глаза, хоть зажмурься: алый панбархат и латунные, сверкающие на солнце пуговицы.

– Завмаг, – сообщил Пантиков, – без особого нажима открыл мне план винных подвалов.

– Да? – неопределенно спросил Кутай и перевел взгляд своих цепких, пристально-неторопливых глаз на завмага, затосковавшего под этим взором пограничника. – Подозрительно что-то...

– Возможно, – Пантиков подмигнул, – зато старожил и открылся бестрепетно. При Пилсудском был геодезистом, потом работал у винокура, в потребиловку попал якобы на выборных началах. Их общество называется «Рочдельские пионеры». Он грамотно вычертил мне схему подвалов. – Пантиков похлопал по пухлой планшетке, снова подмигнул. – Спросите, почему? Есть причина: бандеровцы соблазнили и увели его жену. Молодая была... Теперь мстит. – Пантиков поднялся, пригласил Кутая к столу и, вытащив чертеж, изложил свой план ликвидации банды.

Замысел его вначале показался Кутая не столько оригинальным, сколько фантастическим. Свой план Пантиков шутя назвал «Везувий». Смысл его заключался в следующем: в центре площади, над коренной ветвью погребов, пробивалась дыра, и атака предполагалась не со стороны рабочего входа, где ее, подготовившись, ждали бандеровцы, а сверху, так сказать, через кратер.

– Аналогий ни в одном учебнике по тактике не найдете, – заявил Пантиков, – пробиваем кратер, через воронку забрасываем их гранатами. Это, конечно, не «Тайфун» или «Багратион», а хитро и неожиданно... Как?

Кутай ценил хитрость в военном деле. Взять подземелье подкопом сверху, не рискуя жизнью людей, заманчиво, конечно. Беспокоило затруднение: как суметь быстро пробить проход в подземелье, не дав возможности противнику принять контрмеры? И потом – как действовать дальше? Он сказал об этом.

– Возьмем смелой, дерзкой атакой! – воскликнул Пантиков. – Так или иначе, без атаки не обойтись. Землю, на которую не ступил сапог пехотинца, нельзя считать отвоеванной!

Солнце, словно уставшее от жары, медленно клонилось к горизонту. Удлинялись тени пирамидальных тополей. Через площадь, позванивая колокольцами, важно прошествовало стадо коз. Потом появились коровы. Выбежавшие навстречу хозяйки торопливо развели их по дворам. Над печными трубами закурились синеватые дымки.

Пантиков распорядился доставить кирки, ломы и лопаты к тому месту, где по плану значился центр подземелья. Очертив окружность, приказал приступать к делу. Взводы Строгова и Подоляки он решил использовать в качестве ударной боевой группы. Дождавшись комвзводов, Пантиков повел их к командному пункту, чтобы разъяснить свою идею и проинструктировать.

На крыльце потребиловки стоял завмаг. Сложив на животе руки, он внимательно вслушивался в шумы на площади. В глазах его притаилась тревога трусливого и блудливого человека. Встретил он идущих мимо него офицеров подобострастным поклоном, приложил руки крестообразно к груди.

– Не надо так, – раздраженно сказал Пантиков. – Приучили вас спину гнуть. Гордым будь, гляди смело, ты теперь советский человек! – Он остановился, посмотрел в небо. – Ночь-то какая, прелесть! А Млечный Путь! Только на юге и увидишь такой. У нас, в Вологодской области, вроде его и нету... – И тут же посуровел: – Строгов! Подберите гранатометчиков, сильных ребят, метких. Вашему взводу быть первым в операции.

– Люди подготовлены, товарищ старший лейтенант!

Яркие аккумуляторные лампы освещали напряженно работавших, усталых бойцов, сбросивших для удобства каски и ремни. Воронка углублялась нелегко. Встретились с процеменированным камнем-дикарем.

Кутай подтянул к брустверу воронки и свою группу. Пантиков, присев на ящик с гранатами, попросил у Кутая папироску, прикурил от зажигалки. Не гасил огонек, всматриваясь в Строгова.

– Я приказал доставить лестницы, – сказал он. – Высота подвалов – три с половиной метра. Прыгайте, а потом мы поддержим вас. Подоляка также готов. Брать будем общими усилиями, Строгов!

Старшина Сушняк, который подрывал железные ворота, распорядился и земляными работами. Взрывчатка не применялась, копали вручную, приходилось долбить ломом и кирками. Грунт выбрасывали из воронки, создавая необходимый для укрытия бруствер.

Когда работа приблизилась к концу, старшина спустился в яму, выстукал днище и распорядился принести металлические щупы, чтобы с их помощью, действуя из-за бруствера, обрушить последний слой – кирпичный потолок подвала.

Пантиков приказал артиллерийскому офицеру открыть оружейный огонь по рабочему входу, а после артподготовки взводу лейтенанта Подоляки ворваться в подвал.

– В малом масштабе война на два фронта. – Пантиков подмигнул Кутая, как бы говоря: мы тоже не лыком шиты. И, подвинув локтем лежавший возле него мегафон, попросил Кутая объявить на украинском языке ультиматум: при добровольной сдаче будут применены условия амнистии...

Десятка полтора бойцов лежали за бруствером, приготовив толстые стальные щупы. Старшина Сушняк нетерпеливо ждал сигнала. Пантиков поднял руку с горящим фонариком – все приготовились – и резко опустил ее. Повинуясь этому энергичному жесту, бойцы поднялись, нажимая на щупы, кирпичная кладка подалась, и потолок обрушился.

И тут же из облака еще не осевшей пыли фонтаном брызнули пули. Первый шквал огня затих, наступила тишина. Настороженно, враждебно чернело жерло ямы. Кутай, откашлявшись от точившей горло пыли, взял мегафон и громко объявил ультиматум. Ему не дали закончить вылетевшие снизу «лимонки». Гулкие разрывы и свист осколков, пронесшихся над прижавшимися к земле бойцами, послужили сигналом для начала боевых действий.

– Давайте, Строгов! – зло выкрикнул Пантиков.

Строгов протянул руку. Рядовой Горчишин передал ему гранату. На миг, короткий, как вспышка молнии, в памяти Строгова вспыхнуло воспоминание детства: маленькая станция близ Ленинграда, грохот пронесящихся мимо поездов. Отец на перроне. Фуражка с красным верхом, жезл в руке, похожий на эту гранату. Отец смотрит в сторону приближающегося паровоза, ждет, огни фонарей выхватывают из черного мрака его одинокую фигуру. Машинист высунулся из окошка паровоза, протянул руку, и рука отца передала ему жезл: путь свободен... Таинственный, могущественный жезл, которому повинуются мощные паровозы, ветер, скорость...

Маленькая станция, звон рельсов, стук колес, красные огоньки хвостового вагона. Детство исчезло. Гудели, дрожали рельсы – это снизу иступленно и безжалостно били пулеметы.

Строгов крепко прижал пальцами спусковой рычаг запала к корпусу гранаты, выдернул предохранительную чеку и резким, стремительным взмахом швырнул гранату в жерло кратера. Вслед за его гранатой в яму полетели другие.

В свете аккумуляторных ламп было видно, как пыль улеглась, воронка очистилась от дыма. Наступила тишина. И тут же прямой наводкой ударили орудия. Горы, крутые склоны оврага, ночь множили, усиливая, звуки канонады.

Возможно, Лунь оттянул пулеметы к рабочему входу, ожидая главного удара с той стороны.

Рядом с Пантиковым будто врос в сыроватую землю бруствера Строгов. Свет от прожектора ударил ему в лицо, и Пантиков увидел в его глазах немой вопрос: когда же? Пантиков знает: младший лейтенант даже негодует, винит его за медлительность. Но Пантиков чувствует: Строгов еще не собрался, не подавил возбуждение – пусть успокоятся нервы, очистится разум, сосредоточится воля.

Пантиков окинул взглядом опаленный взрывами кратер «Везувия», прожектор ясно освещал его выщербленные края, провисшие на ржавой арматуре кирпичи. Узкая горловина кратера могла пропустить сразу только трех человек...

– Как дальше, лейтенант? – Пантиков полуобернулся к лежавшему рядом Кутая. – Медлить нельзя, а поспешишь – людей насмешишь...

– Разведка нужна, – сказал Кутай.

– Я знаю, а как?

– Обработать гранатами и пустить – другого выхода нет, – сказал Кутай.

– Кого? – Пантиков мучительно улынулся. – Если бы добровольно... Приказать... не могу...

– Разрешите мне? – спросил Магометов, слышавший разговор офицеров. Он подался на полкорпуса вперед. Скуластое, жестко собранное его лицо, темное, как чугунная отливка, выражало прежде всего хладнокровную и внешне бесстрастную волю. Ему можно поверить. Им руководит не жажда славы, не мгновенный порыв жертвенности. Это человек делового, продуманного риска.

– Как, товарищ лейтенант? – спросил Пантиков Кутая. – Он оглядится, сориентируется, а за ним уже и взвод Строгова. – И обратился к Магометову: – Что вам нужно для боевой разведки?

Магометов подвинулся ближе:

– Пистолет, фонарь, гранаты.

Фонарь нашелся у старшины Сушняка – удобный, с сильным лучом.

– Только гляди не загуби, – предупредил старшина, расставшись с фонарем.

Кутай отдал Магометову пистолет, оставил себе наган.

– Возьми парочку запасных обойм, можно бы и побольше, да перезарядить не успеешь.

О гранатах и говорить нечего – их вволю.

Магометов лежал напряженный, свет прожектора позволял видеть его непримимо-жесткие глаза и, словно отвердевшее, как темная маска, лицо. Ремешок выцветшей фуражки был затянут под подбородком.

– Прыгнешь кошкой, прилипнешь к земле, и тут же, на звук, на шорох – гранату, – напутствовал Пантиков. – Фонарем поначалу – ни-ни, потом – фонарем. И держи его в стороне, на вытянутой руке. Свет – цель!

Едва ли Магометов вдумывался в советы командира, да и вряд ли слышал их, целиком поглощенный предстоящей задачей. Ночь помогала ему видеть, не рассеивая внимания, только то, что было нужно: прожектор ясно освещал жерло воронки, расстояние до нее – один мах, если прыгнуть с бруствера вниз – три с половиной метра, ничего! У него мускулистое, спортивное тело, гибкие ноги, а прыжок... так по прыжкам Магометов всегда был на первом месте в отряде.

– Готовы? – спросил Строгов.

Магометов, не обернувшись к командиру взвода, кивнул и приготовился к прыжку.

– Подождите. – Строгов отполз от него.

Горчишин и еще трое солдат, исполняя его приказание, быстро и ловко, как кроты, отбрасывали землю назад; они прокопали малыми лопатами ячейки в бруствере, чтобы быть ближе к воронке: так было удобнее забросать гранатами-«лимонками» и боковины подвала.

Магометов, недовольный было задержкой, понял замысел, успокоился, ждал.

– Строгов – смелый и умный офицер, – похвалил Пантиков.

Со стороны оврага размеренно, словно паровой молот, били сорокапятки. Атака должна быть синхронной. Пантиков зарядил ракетницу для условного сигнала. И вот гранаты полетели в яму, разорвались в глубине, наверх не вынесло ни одного осколка. Магометов на животе скользнул по брустверу, на миг задержался у края ямы и исчез. Раздались взрывы – один, другой... Магометов! Его гранаты! Пантиков послал в черное небо ракету. Не успела она описать полудугу, как взвод Строгова исчез в проломе подвала – будто крупная дробь просыпалась в воронку. За ним – Подоляка. Люди в касках сбились в кучу, но потом быстро разобрались и так же, как и их товарищи из взвода Строгова, скатились в подвал.

В бой вступила живая сила, и, значит, полилась кровь. Пантиков не сомневался в успехе, но какими потерями заплатят они за победу?

Связной мотоциклист привез донесение: мотострелки ворвались через рабочий вход в подземелье. Штурмовой группой командовал лейтенант Тарада, неоднократно проверенный в трудных заданиях офицер. Лучшие офицеры были брошены в этот подземный бой. Пантикова самого подмывало кинуться в подземелье, сняв последний резерв, чтобы концентрированным ударом покончить с врагом.

– Еще бы туда ребятишек! – Пантиков взглянул на Кутая, и Кутай, поняв намек, предложил свою группу.

– Отлично! Если вы будете там, гора с плеч!

Решение принять участие в подземной стычке возникло у лейтенанта Кутая еще до предложения Пантикова. В начале операции у него были сомнения: не хитрит ли Лунь? Нет ли у него запасных выходов из бункера? Не ускользнет ли он в тот момент, когда отряд займется подземными погребями? Не рассчитывает ли он заманить побольше людей, блокировать их, а самому улизнуть, разорвав слабое кольцо окружения. Но Пантиков прощупал окрестности, сохранил резерв и держал в боевой готовности маневренную группу на машинах. Таким обра-

зом, эта часть сомнений отпадала. После того как Магометов, добровольно вызвавшись, ушел в разведку, а отказать ему Кутай не решился, возникла тревога за боевого товарища. Конечно, о нем сообщат, но стоило ли вот так пассивно дожидаться этого сообщения и результатов разведки? Не с той ли мыслью внимательно приглядывался к нему и сержант Денисов? Даже флегматичный старшина Сушняк – и тот забеспокоился, и, хотя молчал, нетрудно догадаться о его мыслях.

Кутай приказал своей группе подготовиться. Саперы успели «окультурить» воронку, вышибить лишние блоки, обрубить арматуру и установить лестницу, по ней спустили боеприпасы, носилки...

Кутай первым соскользнул вниз и, отбежав несколько шагов, лег, ожидая, пока вся группа очутится в подвале. Глаза привыкли к темноте, и он огляделся. Вокруг лежали трупы. Сколько их? Разобрать было трудно. Влево от глубокой ниши ответвлялся ход, его припомнил Кутай по плану Пантикова. Ход вел в складской тупик подвалов.

Со стороны овражного выхода отчетливо, гулко разносясь по подземелью, слышалась стрельба: били короткими очередями пистолеты-пулеметы. Дальше, в направлении винного завода, куда вел прямой, высокий штрек, шум боя рокотал более слитно. Было ясно, что центр боя переместился на запад, и это обстоятельство обрадовало Кутая, опасавшегося отступления бандитов на восток, к горно-лесному массиву, куда могли вести тайные выходы.

В ста метрах от воронки валялись убитые бандеровцы, безжалостно посеченные огнем бандеровских пулеметов: выходит, свои били своих, тех, кто повернулся спиной к противнику.

Потом, когда паника среди бандеровцев была остановлена, завязался бой. Кутай посветил фонариком. У стены лежали двое убитых мотострелков. Появились санитары, неся на носилках тяжелораненого сержанта. Возле носилок шагал Горчишин. Гимнастерка его была вспорога при перевязке, грудь и диски у пояса залиты кровью. Забинтованная от запястья и выше локтевого сгиба правая рука ярко белела в свете фонаря. Узнав своих, Горчишин улыбнулся и, преодолевая боль, громко, будто глухим, крикнул срывающимся голосом:

– Хватило по руке... Не обратил... А потом... как палка... хочу поднять, нет... – А в глазах его сияла радость, ему хотелось говорить, рассказывать, слова из посиневших губ вылетали резкие, нестройные.

Кутай понимал состояние молодого солдата, но времени, чтобы выслушать его, не было. Скорей туда, откуда гулко доносилась стрельба!

– Помощь наша не нужна, Горчишин? – спросил Кутай.

– Нет, нет! Я с ними... – Солдат кивнул на санитаров. – А это наш, сержант... – он невнятно произнес фамилию, – напоролся на засаду,

– Строгов где?

– Там... – Горчишин обернулся. – Еще не кончили...

– Магометов?

– Там, там... – поспешно сообщил Горчишин и хотел еще что-то добавить, возможно, похвалить товарища, но Кутай поспешил вперед.

Узкий туннель подвала неожиданно расширился. В центре этой подземной площадки в свете луча от фонарика сверкнули рельсы узкой колеи и встала темная громада баррикады из вагонеток, ящиков и винных бочек. Рядом с баррикадой валялись разбитый пулемет и два бандеровца – номера пулеметного расчета. Возле перевернутой вагонетки, упершись в нее спиной, сидел бандеровец, он монотонно стонал, сцепив пальцы на ране. Кровь пузырилась на его немецкой, наглухо застегнутой, куртке. Кутай погасил фонарик, группа двинулась дальше. В установившейся тишине явственно слышались отдельные выкрики, звонко падали капли, разбиваясь о каменный пол. Ствол подвала снова сужался и при свете вновь вспыхнувшего фонаря искрился. Стойко держался запах пороха, и хотя порох был бездымен, дымок, колеблющимися слоями повисший в воздухе, искажал перспективу.

Появился лейтенант Подоляка, появился внезапно, из какой-то боковины, где стояли высокие бетонные чаны. Подоляка схватился за пистолет, но, узнав Кутая, плюнул с досады.

– Напугал ты меня, лейтенант. – Он вытер пот рукавом, сказал скрипучим голосом: – Строгова... Строгова-то...

– Что «Строгова»? – Кутай почуял недоброе.

– Убили Строгова, – выдохнул Подоляка, – в спину, раненый бандит... – Подоляка выругался, заметил у Денисова фляжку, взял ее, выпил до дна, запрокинув голову. – Спасибо, сержант.

Яркий свет фонаря Кутая осветил четверых бойцов, несших на плащ-палатке Строгова. Им было неудобно нести. Тело провисало, концы парусины выскальзывали из рук, и казалось, Строгов еще жив, шевелится, ворочаясь с боку на бок.

– Брали мы их свирепо. – Подоляка покрутил головой, криво улыбнулся и с минуту не мог собраться с мыслями. – Строгов? Пуля в пулю шел Строгов за Лунем. Это точно, за Лунем... Вы его сейчас увидите... – И, предупредив Кутая, хотевшего задать ему вопрос, продолжил: – Все было удачно, а тут... Знать, быть беде... Перепрыгнул Строгов через бандита, тот истекал кровью, а успел ему в спину засадить из парабеллума всего одну пулю и точно, одной, сквозь лопатку, в сердце... Это же невероятный случай... – Подоляка надел снятую каску, поправил ремешок, сглотнул слюну: волновался. – Пошли! Поглядите! Кончал я их за Строгова безжалостно... Последняя их нора, штаб, в дегустаторской... Двери дубовые, пока сшибли их... Хотя, чего говорить, сами побачите...

Подоляка на ходу отдавал распоряжения хриплым, отрывистым голосом. И хотя он был убит горем, пламя воспоминаний минувшего боя не погасло, еще все стонало, бурлило в его душе. Однако он не забыл приказать собрать оружие, боеприпасы, документы, карты, обыскать раненых пленных.

В освещенной ярким светом нескольких фонарей, квадратной, с толстыми стенами и сводчатым потолком комнате – штабе, как называл ее Подоляка, на полу, ближе к дубовому, встроенному в стену шкафу, лежали пять трупов – Луния и его четников. Они лежали на толстом пестром ковре. Все пятеро лежали плечом к плечу, в том виде, в каком приняли смерть.

Подчиняясь правилу: умереть, но не сдаться – изуверскому закону подполья, главари легли, приставили пистолеты к виску друг другу и одновременно нажали на спуск.

Под ярким светом электрофонарей особенно отчетливо выделялось породистое, резко очерченное лицо Луния. Его губы застыли в гримасе, правая рука, державшая пистолет, откинулась и конвульсивно сжалась. Луний обязан был застрелиться последним, проследив за смертной цепочкой, и он это сделал, выстрелив себе не в висок, а в сердце.

– Трizona по Строгову, – тяжело выдавил Подоляка, – была школа имени Евгена Коновальца, был поручик Луний, были и нету... – Простые слова давались ему с большим трудом.

Глава шестая

Над старинным городом Западной Германии ползло, цепляясь за башни и готические шпили, тяжелое, сизое облако.

Еще и семи не было, а на улицах зажглись фонари, одинокие и блеклые там, где темнели руины, и яркие, рекламные – в центре, где вновь понемногу оживал водоворот жизни.

Стецко шел к назначенному ему месту, подняв воротник макинтоша и пряча в карманы озябшие руки. Его вид не вызывал любопытства. Один из обломков «третьей империи», что были выброшены пенной волной после отбушевавшей войны на мирный берег. Один из тысяч, а возможно, и миллионов, не знавших еще, куда приткнуться, из какого корыта хлебнуть.

Возле кабаре, недавно открытого беглым судетцем, толпились американцы, молодые, веселые парни в пилотках, с бутылками в руках и плитками шоколада под суконными погонами.

Они соблазняли голодных тощеньких фрейлейн, куривших тонкие сигаретки и ожидавших тех, кто сделает выбор. Постепенно толпа таяла, девчонок уводили высокие бравые парни.

Стецко позавидовал этому войску, стране, где все было просто и ясно, безопасности молодых людей, их хорошей военной одежде, не тронутой штыками.

Ему же, тоже сравнительно молодому, тридцатилетнему мужчине, через несколько дней предстоит отправиться туда, в темный, пронзительно опасный мир, в ту самую «захидну Украину», где все, как казалось Стецку, кроваво клокотало и бурлило.

Две недели подготовки, отработки задания, легенды и всего прочего, связанного с переброской за кордон, вымотали силы, породили безразличие и притупили ранее одолевавшее его чувство страха. Хай гирише – та инше!

Фиалиал «головного провода» ОУН – руководящего органа «организации украинских националистов» – размещался в одноэтажном сером здании с витиеватым, скульптурно оформленным фасадом. Внутри здания царили затхлость, запустение, как и в других канцелярских «безбатькивщинных» организациях, расплотившихся еще во время войны с благословения главарей германской разведки Николаи и Канариса и теперь, после войны, высокомерно принятых под свое покровительственное крыло разведками западных великих держав.

Опереточно выряженный привратник снял с посетителя куцый макинтош, прошупал карманы пиджака и брюк – нет ли оружия, указал на одну из дверей.

На поясе привратника висел кольт, раньше этого не было. Оказывается, какой-то самостийник, изжевавший на чужбине свою нервную систему, выпалил в первого мелькнувшего на его глазах сотрудника «головного провода», приняв его за самого Бандеру.

Самостийника пытали и удавили в котельной. Привратникам навесили кольты на расширенные крестиком рубахи, а всех проходящих заставляли теперь сдавать оружие.

Стецка поджидал намеченный ему в спутники человек, которого приказано было именовать Зиновием. Зная нравы ОУН, Стецко не проявил опасного любопытства. Бывало так, что под видом телохранителя на связь посылался крупный вожак. Тайна нависала над тайной.

Зиновий появился на политическом горизонте в 1939 году. Как можно было догадаться, Зиновий был круто замешан и выпекался опытными руками мастеров тайного заплечного дела. Очевидно, не случайно, а чтобы подчеркнуть свое значение, Зиновий, рассказывая о своем прошлом, упомянул службу в батальоне «Роланд», входившем в соединение особого назначения «Бранденбург-800». Командовал батальоном «Роланд» майор Евгений Побегущий, предельно свирепый националист, с черной душой и окровавленными по локти руками.

Стецко не был допущен в ряды батальона, его длительное время проверяли органы контрразведки, но он знал о задачах «Бранденбурга-800», действовавшего совместно с «Украинским

легионом» в 1941 году и предназначенного для захвата в тылу советских войск мостов, туннелей, военных заводов.

«Легионеры» переодевались в советскую форму или в гражданское платье и действовали с беспощадной методичностью.

В свои тридцать пять лет Зиновий состарился душой, пропитался ненавистью ко всему советскому, в том числе и к своим единокровным братьям-украинцам, которых он намеревался «освободить». Скитания ожесточили его, выветрили остатки человеческих чувств. Была у него единственная мечта – возвратиться в Канаду, где жила эмигрировавшая туда его семья и где безопасно плодились организации махровых националистов, тянувших свои когтистые лапы к горлу батькивщины, давно проклявшей своих продажных доброхотов.

Ничего этого не знал Стецко и сразу решил, что нужно придерживаться установленной конспирацией дистанции.

Зиновий знал о Стецко больше, возможно, все, что следовало знать, но не подавал виду. Он вел себя предупредительно, вполне корректно, но всем своим поведением подчеркивал нежелание сблизиться, перейти на короткую ногу. Сказывалась школа батальона «Роланд».

В филиале бесшумно сновали люди с бумагами в руках. Из просторной комнаты со стенами, увешанными редкостным, старинным оружием, доносился стрекочущий перестук машинок, слышались резкие выкрики: кто-то пытался вызвать Гамбург по междугородному проводу. По пушистому ковру расхаживал важный персидский кот, его не пинали, обходили уважительно, вероятно, кот принадлежал крупному начальнику.

Зиновий, встретив Стецка, сообщил, что здесь все дела им закончены, осталось лишь съездить на инструктаж к одному из членов «головного провода».

– Керивнык нас чекае, пане Стецко, – сказал Зиновий.

– Як туды?

– Я знаю як...

Они вышли из филиала, прошли в переулок, где стоял серый «опель-капитан». Зиновий сел за руль и стремительно рванул машину с места. Через полчаса бешеной, нервной езды они достигли отдаленной окраины города, где дома прятались в деревьях, и, проехав бензозаправочную станцию, освещенную, словно рождественская елка, остановились в ста метрах от нее, у металлических ворот скрытого в глубине сада особняка.

Зиновий затормозил машину возле самой калитки. Он вел себя здесь как хозяин. Своим ключом отомкнул калитку и повел по аллее к дому, куда их впустил чернобородый мужчина в светлом пиджаке и ярко-желтых ботинках.

После молчаливого поклона чернобородый предложил раздеться и оставить плащи на вешалке.

– Вас чекае пан зверхнык, – сказал он и, проведя через прихожую, являвшую следы запущенности, плечом раздвинул двустворчатую высокую дверь и пропустил в нее только Стецка.

Зиновий остался в прихожей, как, видимо, было положено по ритуалу.

Войдя, Стецко увидел стоявшего посередине комнаты в выжидательной позе пожилого сухонького человека с остренькой бородкой и аккуратно уложенными редкими пегими волосками, клейко облежавшими его дынеобразную голову с узким, бледным лбом.

– Вы извините меня за беспокойство, господин Стецко, – сказал он и, быстро, молодежато подпрыгивая на тонких ногах, очутился возле Стецка. – Слава Украине! – Он поднял руку.

– Героям слава! – ответил Стецко.

У старичка были цепкие сухие пальцы и восточные, горячего накала глаза, пытливые и беспокойные, создающие у собеседника постоянное чувство напряженности и неуверенности.

Повидав немало разных «керивныков» на своем веку, Стецко понял, что в данный момент ему придется иметь дело с еще одним ловким и актерски выдрессированным типом.

Этот хотел произвести впечатление и действовал по заранее проверенному трафарету: для него, по-видимому, самым главным было держать собеседника на дистанции и одновременно быть с ним на равной ноге.

Покровительственно подталкивая гостя, он усадил Стецка в кресло, зажег на минуту люстру и при ее свете внимательно, с какой-то болезненной торопливостью и не сходящей с лица улыбкой изучал его.

Погасив люстру, хозяин попросил называть его Романом Сигизмундовичем и объяснил причину вызова.

В той же стремительной, экспансивной манере, ни на секунду не давая себе покоя, он предупредил, что все сказанное им в дальнейшем явится отнюдь не директивным назиданием, а плодом долгих «философических раздумий» и ему хотелось, чтобы его советы были в какой-то мере полезными.

– Наше движение (имелось в виду «оуновское») замыкается в узкие рамки, – говорил он, вышагивая по комнате от стола с бюстиком Муссолини к другому столику, с гнутыми тонкими ножками и инкрустированной крышкой. – Нашему боевому активу не хватает широты мысли, крылатого полета в будущее, пристального и всеобъемного изучения перспективы. Мы идем к цели эмпирическим путем, вернее, не идем, а переползаем под убойным огнем противника и взываем не к разуму, а к инстинктам... Что вы думаете на этот счет? – неожиданно в упор спросил он.

Как человек, приученный повиноваться, Стецко попытался вскочить, но Роман Сигизмундович остановил его:

– Сидите! Итак?

– Чувство национального самосознания – инстинкт? – переспросил Стецко. – Конечно, к нам взывают предки, их зов иногда затемняет разум... Не знаю, как выразиться, но желание борьбы лично у меня продиктовано вполне зрелыми, продуманными мыслями...

Роман Сигизмундович слушал, покусывая клоч борозды, нетерпеливо переминался с ноги на ногу и, остановив зашедшего, по его мнению, в тупик собеседника, продолжил:

– Вы мой гость, и мне неприлично было бы вам возражать. – Его красные губы раздвинулись в улыбке. – Я призываю к взаимному духовному обогащению, находя в этом призыве элементы равенства. Попробуем все же задержаться на затронутом мною вопросе об изучении перспективы. – Он прошелся от стены к столу, поднял указательный палец, как бы призывая к вниманию. – На мой взгляд, идти с открытым забралом на крупнейшую сверхдержаву, разбившую Гитлера и вот этого бату фашизма, – он щелкнул по бюстику Муссолини, щелчок пришелся как раз по лысине, – бесперспективно! Плюс к тому, имея перед собою такого опытного противника, как Сталин. К сожалению, мы никого не можем противопоставить ему, никого! Как бы мы ни старались! Против системы, заряженной мощными энергетическими токами, которыми пронизан ныне целый ряд государств так называемого народного режима, – и вы со своими грелсами, зашитыми в свитку, и я, проштудировавший многотомные фолианты, и те, кто выше нас... – он поднял глаза кверху, молитвенно скрестил руки, – бессильны. Мы преследуем дремучие цели, взывая к человеческим инстинктам, насаждая беспощадной рукой свое влияние среди запуганного населения, среди примитивных селян и горцев, среди городских обывателей. Я не отрицаю – нет, нет! – сложившихся методов борьбы, но я считаю, это – всего-навсего лишь начало великой, взаимно изнурительной битвы. И победят те, у кого зов предков сильнее, кто всю использует оружие национального самосознания, национальной гордости, достоинства, наконец. Границ не будет, господин Стецко! Битва будет идти внутри лагеря... Многие жертвы нынешних прямых атак бессмысленны...

Стецко заволновался, опасаясь самой примитивной проверочной провокации. Туда ли он вообще попал? Зачем напустили на него этого сумасшедшего?

– Не надо так со мной, – сказал Стецко. – Если вы думаете меня перепроверить, затея лишняя, как вас, Роман...

– Сигизмундович, – поспешно добавил хозяин.

Стецко поднялся с низкого кресла, почувствовал себя уверенней.

– Вы продолжайте, продолжайте, – с деланным интересом предложил Роман Сигизмундович и, пока гость что-то высказывал, попросил вошедшего в кабинет угодливо улыбавшегося человека принести кофе. Человек был наряжен в синие шаровары и вышитую сорочку с распашными рукавами. Под сорочкой без труда можно было заметить увесистую кобуру с кольцом.

– Я не совсем вас понимаю... – Стецко запнулся. – Я привык к последовательности... Зачем же в таком случае рисковать, играть жизнями!.. Вы призывали к взаимному духовному обогащению, а я отправляюсь на адское задание... душевно опустошенным, – закончил Стецко опрометчиво, не думая о последствиях своей откровенности.

Роман Сигизмундович потербил бородку, сочувственно повздыхал, отхлебнул из маленькой чашечки остывший кофе и встал, сразу приобретая важный вид.

– Вы возражаете, господин Стецко, следовательно, в вас еще живо чувство собственного достоинства. Это... хорошо, – произнес он, чуточку шепелявя: ему явно мешали вставные зубы. – Призывая к борьбе с деспотизмом, мы не должны быть деспотами в своей среде.

Произнесенная фраза, по всей видимости, понравилась самому Роману Сигизмундовичу, он удовлетворенно перевел дух и приоткрыл окошко в сад: в комнату ворвался свежий воздух.

– Никто – ни мы, ни наши друзья – не столь наивны, чтобы надеяться победить напрямую – стенка на стенку – Советскую власть и ее армию. Я повторяю свою мысль: мы трезво отдаем себе отчет, насколько мощна эта система. – Роман Сигизмундович прошелся по комнате, резко повернувшись на каблуках, подошел к столу, отхлебнул кофейной гущи, поморщился. – Но мы, как и всякое национальное движение, – поток, живой, бурный поток. Поток можно на время остановить, перегородить, – он показал ребром ладони, – воздвигнуть плотину. Но вода рано или поздно смывает преграду, прорвет любую плотину и хлынет, хлынет... И чем дольше будет накапливаться масса воды, тем грознее и беспощадней обрушится вал! Вот во имя чего мы ведем якобы бесперспективную вооруженную борьбу, вызывая ответные репрессии. Мы хотим закалить свои кадры ненавистью.

– Ненависть? – переспросил Стецко. – Ну а как же с теми, кто нас поддерживает? Как с покровителями? Взаимопомощь должна вызывать чувство благодарности.

Роман Сигизмундович замахал руками, на его бледном лице запрыгали красные губы, сверкнули зайчики золотых коронок.

– Ошибаетесь! – воскликнул он, сорвавшись на фальцет. – Коренным образом ошибаетесь! Не в природе человека благодарность. Покровителей терпят, тихо презирают, а потом, оперившись, с ненавистью отшвыривают. Всякие подачки возбуждают внутренний протест. Нищий всегда враг богачу, сколько бы тот ни кинул кусков в его суму. Это, если хотите, вполне закономерный биологический процесс. Птенцы, оперившись, вылетают из гнезда, забыв о благодарности к своим родителям. Дети поступают так же... У вас есть дети?

Стецко потупился, помял ладони.

– Есть.

– Где они? – спросил Роман Сигизмундович.

– На Украине, – с неприязнью ответил Стецко, – головная служба «безпеки» рассматривала это как мотив для отвода. Я же писал в анкетах о своей семье. У меня жена и двое детей на Станиславщине... Мне порекомендовали, по легенде, показывать на Тернопольщину...

– Простите, меня не интересуют эти подробности, – остановил дальнейшие разъяснения Роман Сигизмундович. – О детях я спросил к слову... Птицы, звери, люди – все живут по одному принципу... Основа учения Маркса – это утверждение диалектического развития общества. Понимаете – непрерывный процесс развития. Отлично! Если непрерывный, что

будет после, после?.. Что тогда будут делать господа коммунисты? Упрутся в стену? Присядут, закурят, попьют кофейку... У меня даже глотка пересохла. – Он нажал кнопку, и тот же служака в вышитой рубашке принес кофе, сахар и коржики, обсыпанные маком.

– Что же будет, по-вашему? – спросил Стецко, похрустывая коржиком и чувствуя себя более свободно после замысловатых высказываний члена «головного провода».

– По-моему? – Роман Сигизмундович собрал в горсть бородку, уперся немигающим взглядом в заскучавшего собеседника. – Расизм! – Он величественно поднял вверх палец. – Дымится мясо белых братьев, как говорил Блок! Резня!..

– Мрачно, – глухо сказал Стецко.

– Невесело, – согласился Роман Сигизмундович. – Видите, как трудно людям с перспективой, куда легче ползти в эмпирических потемках. Проживем как-нибудь, а потом... по Людовику: после меня хоть потоп.

– Что же мне делать, Роман Сигизмундович? – нетвердо спросил Стецко, продолжая опасаться подвоха. Скажи не то пли невтопад, клюнь на удочку, служба «безпеки» тут как тут, скрутят локоть к локтю и на крюк, как баранью тушу.

– Что делать вам? То, что вам указано. Мне известны инструкции. Я дал свою визу... – Он улыбнулся с подкупающей лукавинкой. – Сам Степан теперь без моей закорючки не выпускает бумага.

Стецко без труда догадался, что речь идет о Бандере. Стецко видел Бандеру только на портретах, и тот произвел на него, возможно, из-за молодости, впечатление легкомысленного человека, несмотря на напускную суровую важность позы.

В дверях появился Зиновий, по-видимому, заждавшийся конца аудиенции. Роман Сигизмундович выпроводил его беспощадно холодным взглядом.

– Я предложил внести некоторые изменения в ваше... турне, – продолжал Роман Сигизмундович уже с раздражением, – вы отправитесь не вдвоем, а втроем. Зиновий едва ли сможет быть вашим надежным телохранителем, притом он, бестия, проканадской ориентации, а тех господ за океаном я терпеть не могу. За их подачки мы, видите ли, должны платить нашей кровью...

И, побранив канадскую организацию, носившую название «Украинский конгрессовый комитет Америки», он перешел к главной цели вызова.

То, о чем говорил дальше этот вожак, было ново и вызывало тревогу. Если это были не только его мысли, а и мысли остальных «керивныков», то вызволение Украины откладывалось надолго... Борьба принимала другие формы.

Стецко как исполнитель-боевик предпочитал прямые стычки с врагом. Там было легче: в бою не пофилософствуешь, меньше раздумий – вернее удар. Из своих тридцати лет больше семи он так или иначе воевал. И семья сложилась на ходу, пожалуй, случайно. Прижил двоих детей на перепутье от одной опасности к другой, и поэтому Стецку не пришлось испытать подлинного чувства отцовства, хотя он пытался объяснить свое участие в движении Степана Бандеры борьбой за счастье своих детей.

Его научили повиноваться слепо, воспитав в нем чувство предельной исполнительности. Он частенько был свидетелем жестокой кары за непослушание и потому предпочитал не рисковать. Стецко и сам карал, и карал беспощадно. И со временем добро, еще жившее в его душе, притупилось, зло взяло верх.

И на этот раз Стецко опасался провокации, подвоха. «Кто-то слушает нас, регистрирует, наблюдает... – думал он, выискивая «глазок» в стене или в раме картины. – Возможно, Зиновий или тот, кто приносит кофе, бесшумный, с покорно опущенными плечами лакей». Самое лучшее в положении Стецка – слушать этого старика и молчать. Бандеровская организация строилась на подчинении и молчании. За неосторожно произнесенное слово – кара.

– ... Вполне возможно, что, несмотря на нашу предусмотрительность в организации переправы... – Роман Сигизмундович похвально отозвался о проводниках и, как бы мимоходом проверив, все ли усвоено эмиссаром, продолжал свою мысль: – Возможно вас поймают. Советская пограничная стража имеет огромный опыт, их методы борьбы с нарушителями границы постоянно совершенствуются. Если в сороковом году пограничники сумели выловить немало наших агентов, то представляете, как они теперь поднаторели... – Роман Сигизмундович трудно подходил к центральному пункту инструкции. Сидя в кресле напротив Стецка, он пристально вглядывался в его глаза, словно хотел проникнуть в самую душу, голос стал воркующим, даже чуть кокетливым. – Итак! Допустим, вы попались! Хотя не дай бог! Не стреляйтесь, господин Стецко! Идите в темницу с надеждой рано или поздно из нее выйти. Поэтому, – Роман Сигизмундович попытался вдохнуть всей грудью посвежевший в комнате воздух, но закашлялся, уши его покраснели, – поэтому не стремитесь победить во что бы то ни стало при первой стычке с советским солдатом. Он обучен лучше всех нас. Не сумели уйти – руки вверх, сдавайтесь физически... – Он потрепал Стецка по коленке. – Физически... – повторил он упоенно, – духовно – нет. Мимикрия – как способ приживания. Приниженность, раскаяние? Пожалуйста! Я подхожу к кульминации, господин Стецко. Не пугайтесь. Можете даже выдать!

Стецко попытался встать, лицо его побледнело. Роман Сигизмундович удержал его за плечи.

– Я же говорю – не пугайтесь! Представьте себе, вы выдадите того же Очерета. Предположим, его четвертуют. Что из того? Посудите сами: Очерет был неуловимым обитателем пресловутых схронов, плесенью, грибок и вдруг после казни станет жертвой, мучеником. Еще одно знамя! Мученики – всегда герои! Ян Гус! Жанна д'Арк! Жертвенность, мученичество, терновый венец! Главное – не жизнь, а апофеоз! Апофеоз! Вы думали над этим?

– Нет! – мрачно признался Стецко.

– Думайте теперь.

– Для чего это надо?

– Что? – Бледный лоб Романа Сигизмундовича собрался гармошкой морщин, будто тонкую кожу сдвинули удивленно приподнятые брови.

– Яны гусы, жанны д'арки?

– Чтобы утвердить наше движение, разве это непонятно?

– Вы ставите широкие задачи, а мне поручены лишь конкретные цели.

– Расширяйте кругозор. Ведь мы вас посылаем не только как почтового голубя: принести записку. Мы ждем от вас внедрения.

– Внедрения?

– Да! Да! И еще раз да! Мы не торопимся. Микробы с замедленной вирулентностью! Нам нужны не шаровары с Черное море, не жупаны и не дребедень вроде галушек, вареников и соняшников у тына. Овладев умами, мы овладеем вещами. Вещи нам незачем уничтожать. К своему берегу мы должны причалить оснащенный корабль.

– Я не способен так широко воспринимать задачу.

– Не скромничайте!

– Вы видите перед собой рядового человека, Роман Сигизмундович. Ограниченного... Мне легче будет пустить себе пулю в лоб, чем где-то причаливать... Извините меня, но как и когда?

– Все впереди! Годы, десятилетия! Музыка сильна не вундеркиндами, а трудолюбием. Самородки привлекательны, но подавляющая часть золотых запасов добыта прозаической промывкой колоссальной массы породы. Тяжело? Да! Да! И еще раз да! – В голосе его зазвучала сумасшедшинка.

Лакей опасно просунул голову из-за дверной шторы и тут же испуганно скрылся.

– Вы слышали о косяках нельмы, идущей метать икру в истоки северных рек? Они идут тесно, бесстрашно, фанатично. Идут, чтобы оставить потомство. Свершив, они умирают. Прекрасно!

Стецко зябко поежился, вслушался. На улице глухо ворчали моторы и шелестели автомашины. В соседней комнате пробили часы. Время шло к полуночи, надо было собираться. «Самка нельмы» обязана была запастись необходимой одеждой, чтобы дважды сменить ее: при поездке по Европе и на границе. Надо еще пристрелять оружие: выдали пистолет, по всей видимости, давно валявшийся где-то на складе. Необходимо также захватить с собой советские деньги в мелких купюрах. А если еще подсватают третьего, канители прибавится, надо и с ним отработать легенду, прощупать его, не подведет ли в критический момент.

– Нельма, идущая тесными косяками к истокам таежных рек, – повторил с упоением Роман Сигизмундович, – понятно, господин Стецко?

Это было похоже на окончание беседы.

Стецко встал, отвесил поклон.

– Вы не ответили. Вам понятно?

– Не все...

– Я вас слушаю. – Роман Сигизмундович склонил голову, сунул одну руку в карман, приготовясь слушать.

– Моя задача – отдаться в руки пограничникам, выдать подполье, завоевать доверие и... внедриться?

Роман Сигизмундович ждал в той же настороженной позе.

– Все? – спросил он, поглядывая на замолчавшего Стецка.

– Да.

– Разрешите уточнить. – Сунув и вторую руку в карман, Роман Сигизмундович на минуту устало опустил веки и после паузы, по-прежнему пристально взглянув на Стецка, начал в той же философско-поучительной манере: – Ваша задача – исполнить поручение. Но если дело осложнится и вас... застукают... – голос его зашелестел почти у самого уха Стецка, – тогда мы намечаем вам линию поведения. Мы не будем расценивать это как предательство. Ряды нашей надежной агентуры значительно поредели из-за глупой романтики. Чуть что – стреляться! А кому польза от этого? Не нам, во всяком случае. Если тот же Очерет получит инструкции, ну и что? Что, я спрашиваю? Еще одна, две, три операции, уничтожит десяток, сотню людей, разожжет гнев не только против себя, но и против всего нашего движения, даст оружие пропаганды для наших врагов, ну? Спрашиваю.

Стецко потупился, склонив голову; оцепенение его прошло, мозг работал четко, мысли текли спокойней.

– Тогда зачем держать вооруженные отряды? – осторожно спросил он.

– Для закалки и проверки характеров наших людей, для формирования актива, ради воспитания ненависти. Вооруженные отряды нам тоже нужны... Какая власть без армии? Чем утверждаются программы вождей? Оружием! Только оружием и силой. А потом убийца будет бояться возмездия...

– А идеалы?

– Идеалы? Какие там идеалы! Их нет! Есть люди, болтающие об идеалах.

– И мы?

– Кто кого перехитрит! – Роман Сигизмундович добродушно хохотнул. – Кто ярче блеснет... идеями... Кто покруче завернет... Схимник, ложась в пустой гроб, хитрит, дервиш, проращивая ногти сквозь ладонь, хитрит, все хитрят... Вывод один: кто кого перехитрит... – Он засмеялся, шутливо ткнул пальцем в живот Стецка и тут же, выпрямившись и вынув руки из карманов, строго сказал: – И все же стратегия остается: нельзя победить только оружием. Сеять сомнения, расшатывать основы, вывинчивать шурупы, которые держат главный каркас,

работать медленно и неустанно. Вот так. Всего наилучшего, пане Стецко! – Он потрепал его по руке, подтолкнул к двери и, будто не заметив отпрянувшего от нее испуганного лакея, сказал: – Третий будет он! Его псевдо – Чугун!

Стецко шел по аллее, будто после дурного сна, по пути сорвал мокрую от дождя зеленую веточку, погрыз. Почувствовал горечь во рту, пришел в себя, передернул плечами, как в ознобе.

У калитки его ждал Зиновий.

– Забалакались, пане Стецко. Як?

– Була добра балачка, – ответил тот, усаживаясь в машину.

– Третий – Чугун? – спросил Зиновий уже в дороге.

– А вы откуда знаете?

– Знаю. – Зиновий обогнал рефрижератор, забрызганный грязью, и еще несколько грузовых машин, которые везли станки. – Выходим на пункт через Польшу.

Глава седьмая

После свидания с Романом Сигизмундовичем Стецко быстро закончил все формальности. Инструкции противоречили наставлениям Романа Сигизмундовича. Но, поскольку инструкции носили деловой, а не философский характер и люди, дававшие их, были людьми практическими, Стецко решил следовать пока им, оставляя философию Романа Сигизмундовича для будущих раздумий. Если, конечно, судьба смилостивится и отпустит ему для этого время.

Роман Сигизмундович оказался прав: в дорогу они отправлялись втроем, а не вдвоем, как было решено прежде. И это доказывало авторитет и вес Романа Сигизмундовича в организации. Видимо, за ним оставалось последнее слово.

Добираться на Украину было нелегко: путь лежал через Чехословакию и Польшу. Маршрут через Австрию и Венгрию отпадал как более опасный: им тогда пришлось бы пробираться через зоны, поделенные меж собой союзниками, а в любой из них могли встретиться осложнения.

Поэтому решили ехать на автомашине через Судеты на Прагу, а оттуда в Польшу, на Краков и Перемышль.

Бытовой стороной путешествия ведал Чугун, замкнутый, малоразговорчивый человек, с неестественно длинными руками и развитыми бицепсами. Его присутствие избавляло от многих забот, что было важно: в Европе, разгромленной войной, достать продовольствие, горючее и кров было далеко не легким делом.

Правда, помогали долларовые бумажки, их шелест завораживал многие жадные до денег сердца.

В Праге Чугун предложил избавиться от «мерседеса», обращавшего на себя излишнее внимание, к тому же нашелся щедрый покупатель. Сбыв машину с рук, вся троица «головного провода» пересела на поезд. И правильно сделала: магистральные международные шоссе подвергались тщательному контролю советских войск.

Посматривая из окна вагона, Стецко с удивлением подумал: «Бог мой! Неужели эти организованные, подтянутые, ладно одетые солдаты и есть те люди, которые никогда ранее не пересекали границы своего загадочного государства? Те полуазиаты, которых нередко европейцы представляют себе или разухабистым парнем в красной рубахе с балалайкой в руках, или бородастым мужиком с топором за кушаком? Или, того хуже, растерявшимся, испуганным до полу-смерти тоталитарным режимом маленьким человечком?»

Теперь стали понятны наставления Романа Сигизмундовича о духовном завоевании «сложившегося государства» и о том, чтобы причалить к своему берегу «оснащенный корабль».

«Расширение кругозора» Стецка уже начиналось. Пассажиры, жители, с которыми ему приходилось сталкиваться в поездах, при пересадках на вокзалах, в городках, мимо которых они проезжали, – поляки, чехи и, особенно, евреи – благословляли русских, спасших их от смерти и рабства.

Никто не сомневался в силе советского оружия, а тем более в стойкости и единстве народа, сумевшего так крепко сплотиться перед лицом опасности, выстоять и разгромить сильного врага.

Стецко мучительно отыскивал свою правду, изобретал свое оружие, и прежде всего оружие нравственного порядка, чтобы противостоять этому колоссальному авторитету державы, с которой вступили в неравный на нынешний день поединок и бандеры и романы сигизмундовичи.

На кого они надеялись?

На него, Стецка, поколебленного в своей вере ими же самими, на гориллообразного Чугуна, с его неутолимой жаждой добычательства, на Зиновия, предельно эгоистичного человека, с осанкой тигра и повадками шакала?

Может быть, там, за кордоном, в дебрях гор и лесов Западной Украины, он встретит рыцарей без страха и упрека, тех, кто ведет крестовый поход против «катов и насильников».

Нравственные самоистязания, навеянные искусительными речами Романа Сигизмундовича, не помогали сосредоточиться на главной задаче: он, Стецко, обязан появиться там, в схронах, в лесах, где его ждут, как светоч, как оруженосец великого движения, убедить в том, что их дела им под силу, а жертвы не напрасны.

И Стецко представлял себя в мантии пророка, озаренного величием тех, кто где-то за кордоном с иступленной страстью готовил себя к мученическому костру... Ян Гус, Жанна д'Арк!

Потом под стук колес (они уже тащились где-то под Краковом), полузакрыв глаза и подрывая, он думал о своей семье, которая выплывала перед ним в нереальных, забытых очертаниях: жена, дети... Были ли они вообще? Что знают они о своем муже и отце? Для них он покойник. И, наверное, уже давно... Как они примут его, если он переступит порог их дома? Да есть ли у них дом? Невероятные муки доставляли ему эти мысли, и он хотел видеть все чистым, облагороженным, таким, каким представлялись ему картины детства.

Его отец не буржуй, не кровопиец, а обычный, хотя, пожалуй, не совсем обычный, чиновник судейского ведомства, в мундире по праздникам, с восковым, всегда настороженным лицом и бородкой, пахнувшей почему-то просфорой. Пасхальный стол с неизменным запеченным гусем, с куличами, обсыпанными сахарной пудрой и разноцветными зернышками бисера, а в церкви плащаница с запахом ладана и тайнами, скрытыми в священном Гробе Спасителя...

Как все далеко! Ушло невозвратно. И он сам обреченный, загнанный в тупик, из которого нет выхода. Он шел на смерть и не сомневался в своей неминуемой гибели.

Но минуты душевного упадка, как у наркомана, сменялись подъемом, и иногда воображение подсказывало другие образы. Просыпались мстительность и беспощадность отверженного, сладостное чувство власти и силы – то, что вдохновляло его прежде, когда сердце было твердо, как голенища немецких сапог, и совесть черна, словно ворот эсэсовского мундира. Тогда мысли его не поднимались выше этого дарованного ему эсэсовского воротника, и единственным ответом на все вопросы была очередь из отлично вычищенного денщиком парабеллума.

– Вы спите? – Зиновий толкнул его в бок. – Скоро сходить. Не забудьте свои вещи. Я и так вызываю подозрение, таская их вместо вас.

– Хорошо, – очнувшись от мыслей, ответил Стецко. – Скоро граница?

– Да... – ответил Зиновий, прислонившись щекой к окну вагона и вглядываясь в пронозящиеся мимо леса. – От станции еще двенадцать километров на телеге...

– Телегой? – машинально переспрашивает Стецко, хотя знал и о телеге, и о тех, кто должен был их встретить, и о паролях, и о том, где им надлежало перейти границу «сложившегося государства», которое им предстояло отобрать так же просто, как ссыпать к себе в карман пригоршню грошей, выигранных случайно на счастливую карту.

«Не стремитесь победить в первой же схватке советского солдата. Он обучен лучше всех вас...» Чьи это слова?

«Не сумеете уйти, руки вверх, сдавайтесь... физически...»

Подлые советы! За такие напутствия надо стрелять в упор, а потом, выбросив испачканный о подлеца пистолет, вымыть руки. А он, Стецко, слушал, вскакивал, кланялся. Рабская кровь, гнусность, политическая пошлость, гниль.

– Будем переходить по надежному мосту проводки, – шепнул Зиновий, – у села Скумырды.

«Кто из нас старший, он или я?» – мелькнула мысль, пробуждая дремавший мозг, и сразу в ответ проснулись все чувства, напряглась воля, обострился слух, зрение; зверь почувствовал опасность. Это было состояние, которое Стецко считал нормальным.

Мимо медленно проплывали огоньки какой-то деревни. Поезд замедлял ход. На перроне их скорей всего встретят поляки, будут самодовольно проверять документы, еще и поведут куда-то... Но все предусмотрено. Существуют Зиновий и Чугун, эти не сдадутся... Хотя кто знает?..

Глава восьмая

На линейной заставе капитана Галайды прокладывали контрольно-следовую полосу – КСП, чтобы ликвидировать «бродвей» (так называли этот трудный, горно-лесистый участок границы, где еще оставались любители пожить контрабандой или подзаработать, переправляя нарушителей).

Контрольно-следовая полоса должна была представлять собой расчищенную, перепаханную и проборонованную полосу земли такой ширины, чтобы человек не мог перейти ее, не оставив следов.

Но злые люди стараются перехитрить создателей КСП, применяют ходули, шесты, подвязывают к ногам и рукам лапы медведей или копыта рогатого скота...

Пограничники умело разгадывают уловки нарушителей, обобщают опыт своих лучших следопытов, вырабатывают наставления, инструкции. Формула «Действие рождает противодействие» надежно подкрепляется практикой.

Капитан Галайда, переведенный с высокогорного участка советско-турецкой границы, знал, как разделять полосу на сложном рельефе, используя для этого все возможности заставы, и обещал командованию не затягивать дело – до зимы оставалось немного времени. Солдаты работали не покладая рук.

В долине, за ручьем, извилисто бегущим вдоль границы, справились более или менее легко – тракторами и металлическими боровами «зигзаг», а вот в горах, куда вела граница, пришлось трудновато: надо было выкорчевывать деревья и кустарник с цепкими стальными корнями, выволакивать камни, размельчать грунт, а скальные пролысины засыпать мягкой землей, которую приходилось таскать на себе из долины.

Послеобеденный отдых был отменен решением комсомольского собрания, от субботников никто не освобождался. Идущие в наряд работали тоже. На временном стенде под самой развесистой елью появились «молнии», кого-то хвалили, кого-то упрекали, рисовали карикатуры.

Одним из объектов шуток был рядовой Путятин, человек самолюбивый, будто нарочно испытывавший терпение своих воспитателей. Старшина Сушняк, не только памятью, но и сердцем затвердивший устав, инструкции, ревниво оберегающий размеренный быт заставы, вел тайную войну с непонятным ему солдатом.

Поработав вдосталь, Сушняк теперь с сознанием исполненного долга стоял на взгорке, поторапливая таскавших отсыпанную землю бойцов: приближались сумерки.

От троны круто уходила скалистая обочина щели, униженная ожерельями можжевельника, крученого ельника, стеной стоявшей, как конопля, крапивы. Горы, пусть невысокие, но красивые, светло-голубые вблизи, темно-синие вдалеке, цепь за цепью поднимались в желтое предзакатное небо.

Сверхсрочник Сушняк не сразу привык к этой природе после своей степной Украины. Но красота, какая бы она ни была, покоряет сердце, притягивает к себе. И Сушняк полюбил эти весенние рассветы, веселые, стремительные речки и сочную, яркую зелень, нолюбил предосенний мелкий, как сквозь сито, дождь, низкие хмары, будто играющие в жмурки между верхушками гор, ту прелесть полонии, когда настоящий запахами трав воздух приятно распирает легкие и пьянит человека.

Сушняк смотрел на бойцов. По их вялым движениям, по запавшим в орбиты утомленным глазам, по частому, прерывистому дыханию было видно: ребята устали. Кое-кто пошатывался, и ноги «ходили» в широких голенищах сапог, кто-то сглатывал слюну и нет-нет да и припадал к кружке, обхватывая ее, будто боясь обронить, обеими руками. Бочонок с холодной, ключевой водой быстро опорожнялся, а если человек начинал хлебать воду – верный признак: сбился с

темпа. И двужилый старшина вздыхал, побряхывая, переминаясь с ноги на ногу, замечания отпускал вроде бы небрежным, но явно «подталкивающим» тоном.

Сам Сушняк, сильный, будто свитый из стальных тросов, не верил в усталость. Его мощный организм справлялся с любыми нагрузками, и поэтому старшина не сводил своего недоброго взгляда с Путятин, частенько язвительно «подбадривая» солдата.

Путятин, несомненно, не мог превзойти старшину силой мышц и потому считал возможным бороться с ним только силой интеллекта. Приближаясь к старшине, Путятин сбавлял шаг, пошатываясь, изображал на лице мрачную задумчивость несправедливо обиженного человека.

Но опытного старшину трудно было обмануть. Сушняк был достаточно проницателен, чтобы не уловить хитрости.

– Подтянитесь, товарищ Путятин!

Челюсти Сушняка твердели, на широких скулах начинали играть желваки.

Путятин высыпал землю и возвращался обратно, помахивая корзиной.

– Эх вы, Путятин!.. Отчего вы такой?

– Какой, товарищ старшина?

– Снулый.

– Какой есть, товарищ старшина. – Путятин покорно останавливался, принимал стойку «смирно». – Каким мама родила.

– Мама... Не трогали бы свою мать, товарищ Путятин.

– Разрешите идти, товарищ старшина?

– Идите, Путятин.

Путятин круто повертывался и отходил, стараясь выбивать шаг всей подошвой...

К Сушняку незаметно подошел сержант Денисов, тронул его за локоть, упрекнул, не повышая голоса и следя за удалявшимся Путятиним строгими, прищуренными глазами.

– Зря придираешься к нему, Сушняк. Путятин заслуживает другого отношения.

– Возьми петуха и крути ему голову, – буркнул Сушняк. – Задастся парень... А чем ему задаваться?

Денисов выждал, пока его друг успокоится, и сказал:

– У него немало хороших качеств. Начитанный, этого у него не отнять. С людьми сходится быстро, отзывчивый... Ты его зря...

Мягкие укоры хорошо действовали на доброе сердце старшины. Не перебивая Денисова, он попросил папироску, закурил.

– Читает, да только не то. Ему надо бы про героев читать.

– Почему?

– Забыл погранзнак девятнадцатый?

– Нет, не забыл...

Сушняк имел в виду случай, когда весной этого года сержант Денисов, натаскивая молодого солдата, обнаружил у пограничного знака № 19 семерых нарушителей. Решив задержать их всех, Денисов занял выгодную позицию, приказал Путятину стрелять только по его команде, а тот не выдержал, выстрелил раньше времени и спугнул. Денисов задержал лишь одного, остальные ушли.

Путятин потом прорабатывали, обвинили даже в трусости, по горячке, конечно, так как вина его была одна – неопытность, торопливость. Позже, в середине августа, Путятин хорошо проявил себя в стычке, получил медаль «За боевые заслуги». Таким образом, вспоминать знак № 19 было ни к чему...

Путятин скрылся за боярышником, спустился по тропе и снова поднялся, ближе к КСП, куда один за другим шли солдаты с корзинами или наплечными мешками, подвешенными на мягких поясах. Солдаты двигались молча, гуськом, но скользкой, узкой тропинке, идущей по краю ущелья, откуда доносились запахи сырости и глухое ворчание воды.

– Делать – не переделать, а радуется, – сказал Денисов.

– Почему радуется?

– Примета такая: если начинают строить КСП, наступает стабилизация. Границу двигать не будут.

– Мина со стабилизатором, а летит.

– Потому и летит куда надо. Не будь стабилизатора, кувыркалась бы...

Денисов присел на траву, наблюдая за птицей с острыми крыльями и поджатыми лапами. Птица парила на тугом плече воздушного потока и, казалось, прощалась с розовым закатом, купаясь в нем, золотя свои перья.

– Заметил я, Денисов, у тебя что-то свое на уме, – сказал Сушняк.

– А у тебя разве чужое?

Денисов следил за птицей и вслушивался в обманчивую тишину гор.

– Спросил бы меня лучше, о ком я думаю. Я бы ответил: о младшем лейтенанте Строгове.

– С чего бы покойника-то вспомнил?

– Когда зачитали указ о посмертном награждении, стоял в строю и думал: не удалось Строгову стать старшим лейтенантом, майором, не успел покрасоваться с орденом. Мечтал Строгов получить Боевое Красное Знамя, такое же, как и у его отца.

– Слыхал я про его батьку. У Котовского, говорят, служил. У Котовского или у кого?

– Какое это имеет значение?

– Как какое? У Котовского так у Котевского, а у Пантикова... Кто слыхал о Пантикове?

Сплоховал твой младший лейтенант...

На усмешку Сушняка Денисов ответил с обидчивой горячностью:

– Сплоховал, говоришь? А как дрался!

– Дрался как надо, не спорю. А зачем позади себя подранка оставил?

Денисов удивленно приподнял тонкие, будто нарисованные, брови, они черной лентой легли у переносья, спросил:

– А как же он должен был поступить?

– Добить. Бандит есть бандит.

– Разве угадаешь, кого миловать, а кого добивать, – раздумчиво заметил Денисов, и перед его мысленным взором одна за другой прошли картины, настойчиво напомнившие ему о его собственном поведении в схватках, когда над всеми чувствами берет верх только одно – чувство бойца. Когда глаз видит лишь одну черную точку – мушку, наведенную на врага; когда рука и плечо не дрогнут и пуля идет точно в цель; нет, он не миловал недруга, знал: или он врага, или враг его. Другого не дано!

Как будто и близко, а ой как далеко остались позади детские игры в казаков-разбойников, револьверы и рогатки, вырезанные из дерева, – невинное оружие детства! Их было четверо, ребят-сверстников, и мечты их сходились только на одном: воевать за Родину. Слишком малы они были тогда, казалось, и не придется осуществиться их мечте, а вот пришлось... Строгов был слишком горяч и не всегда осмотрителен, он постоянно стремился вперед, не оглядываясь. А оглядываться надо б – глаза спереди, глаза сзади. Опытные старшины, такие же, как Сушняк, воспитали Денисова, храброго и осторожного воина, не краснобая, не хвастуна, рано повзрослевшего, рано окропленного кровью.

Горы постепенно темнели, сглаживались вершины, сливаясь с облаками, ветер слабо шевелил ветви, но тишина эта была обманчивой. Здесь всюду подстерегала пуля. В этих горах и лесах беспрестанно клокотала чья-то чужая жизнь, тайная и отвратительная, и им, молодым ребятам, приходилось очищать этот горный лесной район, чтобы можно было людям спокойно жить и работать.

Здесь, на краю обрыва, им было хорошо, с ними товарищи, которые, если нужно, всегда придут на помощь. Могучее братство ощущалось весомо и зримо. И эти размышления сами по

себе вернули Денисова из воспоминаний в реальный мир. Он увидел заскучавшего Сушняка, услышал его хриловатый голос, отдавший приказание закончить работу. Усталых и потных бойцов повел в строю сержант Сидоренко, коренастый, крепкий человек, обожавший командовать, чувствовать свою власть. Так думал Денисов, издали наблюдая за могучими лопатками Сидоренко, за его крепкой шеей и размеренным взмахом рук, тоже крепких, как весла фелюги, слушая его сочный, басовитый голос, отсчитывающий шаг.

Сушняк предложил задумавшемуся другу «махнуть напрямик», укороченной тропой, и прийти на заставу раньше, чем Сидоренко приведет туда команду.

– Только-только голос прорезался, – Сушняк откашлялся, – а то сипел, как камышовая дудка. А все те самые бабцы с цыплятами...

Сушняку пришлось две ночи пролежать в засаде, поджидая связниц из-за кордона, вот тогда и заползла простуда в бронхи.

О связницах, которых обязан был встретить Сушняк, предупредила Устя, комсомольский вожак из пограничного села Скумырды.

Устя возглавляла добровольную молодежную дружину, которую сами комсомольцы называли истребительным отрядом, и работала с каким-то особым упоением. Инициатива ее, казалось, не имела границ. Устю скорей нужно было останавливать, нежели подталкивать, но и останавливать было нелегко, если учесть ее властный и своевольный характер. Устя со своими добровольными помощниками нередко выуживала такую «рыбу», что приводила в приятное изумление даже начальника отдела разведки штаба отряда майора Муравьева.

Связницы, о которых сообщила Устя, объявились в конце вторых суток стационарной болотной засады, когда старшина Сушняк успел уже вдоволь накормить комаров и до макушки пропитаться сыростью. Две «красули», как называли их Сушняк и бывший с ним в паре Магометов, появились в виде разодетых фей с корзиночками, из которых невинно выглядывали белые петушки, предназначенные якобы для продажи на воскресном базаре. Такие переходы через границу не являлись новостью, и, если бы не предупреждение Усти, можно было бы, как говорится, похристосоваться с девицами и галантно отпустить их на все четыре стороны. На поверку дело оказалось серьезным: после допроса и обыска у одной из них был обнаружен грепс к самому Очерету.

Вот как сработала Устя.

– Ты понимаешь, Денисов, – продолжал Сушняк, в который уже раз описывая операцию, – что такое Устя? Чудо! Отставим ее активность, есть она или нет, а сама-то Устя! Не треба расписывать? Чудак ты, Денисов. А кого же еще расписывать? Папу римского? Ты обратил внимание на ее фигурку? А если обратил, скажи, не гитара ль, а? Да я мог бы снять засаду, а как вспомню Устю, лежа в мочажиннике, то сдается мне, что утопаю в перине из гусачьего пуха. Я и голос потерял от думок. Нельзя так разогревать воображение. Отсюда и физическое изнурение и всякая хвороба...

Денисов внимательно выслушивал откровения друга. Что же тут нового? На заставе, пожалуй, не было человека, которому не нравилась бы Устя. Работала она в опасном селе, так как Скумырду бандеровцы избрали своим переправочным пунктом. На той стороне речушки, где воробью по колено, вплотную к иловатому берегу примыкало такое же село, откуда и тянулись нити во все концы Европы. В Скумырде бандиты вели себя тихо.

Устя была яркой девятнадцатилетней красавицей, смелой, порывистой и в то же время женственной. Она могла то накричать и даже пустить в оборот словцо, заимствованное у лесорубов или плотогонов, от которого уши вяли, то залиться краской от самой пустяковой насмешки.

Приезжала она на заставу верхом на игреневои трехлетке. Влетала в ворота карьером, осаживала конька у самого крыльца, у которого редко когда не толпились бойцы, расступав-

шиеся перед ней, проходила, стуча каблучками сапожек, изящная, с точеной фигуркой, обтянутой темно-синим трикотажным спортивным костюмом.

– Хлопцы, дэ Галайда? – громко спрашивала она. – Опять нэма? Бумаги повез в отряд? Славно! Дэ заместитель? Зацепа дэ?

Устя, как и положено главе «истребков» из Скумырды, ходила с наганом на узком ремешке через плечо.

Любой из молодых пограничников сложил бы к ногам Усти свое изнывающее истомой сердце, но путь был заказан. Лейтенант Кутай доводил до логической развязки уже полтора года тому назад затеянную им и точно распланированную операцию.

Свадьбу могли сыграть и сегодня и завтра, медлила пока Устя, слишком занятая любезным ее сердцу делом.

– Подожди, подожди, Жорик, – просила она, поглаживая его теплой ладошкой то по щеке, то по чубчику. – Не насладилась я свободой, Жорик! Ты же меня скинешь с седла, отберешь у меня «истребков», причалишь меня к корыту, а, Жорочка? Целуй меня, Жорик, при всех целуй, обними покрепче, пушай от зависти дохнут хлопцы!.. – И, веселая, вся будто сотканная из солнечных лучей, по-джигитски ловко бросалась в твердо-кожаное седло и уносилась в свою Скумырду.

С тоской посматривали ребята ей вслед, по-хорошему завидовали счастливому лейтенанту. Кутая уважали, ценили как опытного, расчетливого и смелого офицера.

Поговорив об Усте, два друга еще раз вспомнили о Строгове, увидев идущего в гору с наплечным мешком Магометова.

– Герой! – похвалил его Сушняк. – Помнишь, как он вызвался? «Дайте мне фонарь и пистолет, и первым сигану в яму...» – покачал головой, – а могли прошить его на сто дырочек, как пить дать, могли...

– Магометов не сдрейфил, – скупно согласился Денисов, так как ничего выдающегося не видел в его поведении. Так поступал он, Денисов, и не раз. Таков закон службы, долга – присягу ведь принимали. А как же иначе? За спину других прятаться?

В памяти Денисова возник майский день сорок пятого года. Страна всего четыре дня назад отпраздновала Победу, а у них на заставе боевая тревога: в соседнем городке бандиты ворвались на совещание актива и убили двадцать восемь коммунистов.

Пограничники пошли за бандой группой в тридцать четыре бойца. След держали овчарки. В одном хуторе накрыли шесть человек, переодетых в форму пограничников, а потом в лесу обнаружили банду в двести штыков.

В каком-то клочковатом, кровавом тумане роились воспоминания. Прошлого будто и не было. А каждый бой – твердо ощутимые грани жизни и смерти. Втянулся, привык. А начиналось для него непросто.

Восемнадцатилетнему добровольцу Денисову впервые позволили идти на боевую операцию в сержантском наряде. Да, это было в восемнадцать!

Первый выход, первое доверие. Все чувства обострены, нервы... Хотя какие нервы у юноши, сгоравшего от желания выдержать экзамен на зрелость!

Ему доверено оружие, он идет рядом с сержантами, гвардией пограничной охраны. Это было здесь, южнее села Скумырды, в равнинном перепадке, близ леса. Старший наряда Каблуков вел по опасным местам. Следов не оставляй, окурки закопай, пенек осмотри, бугорок прощупай, возможен выход в схрон – сумей отличить по выбросу земли, крот или человек... Наготове автоматическая винтовка Токарева и гранаты. Рост – сто семьдесят, вас – шестьдесят восемь, тело атлета...

По пути заброшенный сарай, его называют стодолой. Сколько раз наряды бегло осматривали его! Так нужно, хотя стодола близка от заставы, и, казалось бы, кому туда зайти.

И на этот раз Каблуков приказал Денисову осмотреть стодола и потом догнать наряд. Фактически это было первое боевое задание, и Каблуков, посылая новичка, проверял его на деле. Само собой разумеется, Каблуков не мог и предположить, что злоумышленник осмелится забраться в сарай чуть ли не на виду у заставы. И Денисов, исполняя поручение, в душе досадовал на старшего, пославшего его с явным намерением подчеркнуть незначительность новичка. Вприпрыжку, тем самым беглым шагом, который вырабатывается у разумно спешащего человека, Денисов очутился возле стодола, осмотрел вход, заметил примятости травы, обсыпанной сизой росой, насторожился. Если сюда и заходил пограничник, ревизуя, как и Денисов, попутную точку, то это могло случиться только вечером, когда еще не упала роса. А это... Теперь от прежней беззаботности не осталось и следа, взгляд стал подозрительней, приметы фиксировались острее.

Ветхая дверь скрипнула в петлях, в ноздри ударил несвежий воздух давно заброшенного помещения. Ранние утренние лучи, проникая сквозь щели, выложили земляной занавоженный пол продольными светлыми линиями. Не включая фонарь, Денисов осмотрел все углы и закоулки, заглянул за приткнутую к стене бесколесную бричку, потолкал ящики, очевидно, служившие для хранения минеральных удобрений. Никого не было, даже мыши-полевки не шмыгали, и ни одна ящерица не изготовила здесь себе гнезда. А вот присутствие человека чувствовалось. В душе настороженно жило подозрение и требовало ясности. Верх сарая был забран дощатым потолком, обмазанным глиной. Взглянув на потолок, Денисов заметил кое-где свежие следы опавшей сухой глины и лесенку, валявшуюся на земле, судя по всему, отброшенную после того, как кто-то забрался на горище. Предчувствие не обманывало, сердце в предвидении опасности забилося спокойнее, ровнее, что позже не раз отмечал за собой Денисов. И прежде всего появилась железная собранность, внутренняя дисциплина, не раз отмечаемая его наставниками. Она помогла ему быстро наметить план действий, не допуская опрометчивости. Надо подставить лесенку, подниматься осторожно, опасаясь прямого выстрела, а добравшись до лаза на чердак, суметь одним прыжком вскочить на горище и там также быть готовым ко всему. Но никто не препятствовал Денисову взобраться, никто не пытался убить его. Чердак был поделен стеной на две равные части. Окно для подачи кормов выходило в сторону леса и было привалено дощатым запыленным щитом, на котором отпечатались свежие следы рук.

Сомнений не оставалось: на чердаке кто-то находился. Денисов пополз. Вдруг затрещала доска обшивки и тень человека метнулась к окну: щит был отброшен, человек ушел.

Оставалось одно: погоня. Денисов выпрыгнул вслед за беглецом в окно, с колена прицелился, выстрелил, но, поторопившись, промахнулся. Человек бежал к лесу, который стоял стеной за ручьем. Первая для молодого паренька встреча с врагом! Первое боевое испытание! Тем более один на один! Если бы задача заключалась в том, чтобы догнать, то Денисов не сомневался в себе: от него тому не уйти. Но первая заповедь пограничника – захватить нарушителя живым – отпадала. Противник, обернувшись, послал в него несколько пуль, просвистевших у самого уха Денисова со знобким, рассекающим воздух свистом. Денисов знал: пуля, которую слышишь, не страшна, поражает неслышная. Человек опять побежал зигзагом, что доказывало его опыт, но зигзаг удлинял расстояние, а это было на руку Денисову.

Возле опушки нарушитель бросился на землю, открыл стрельбу из винтовки. Что ж, огневой поединок – так огневой поединок! Плотно прижавшись к траве, укрепив локти в мягкой земле, Денисов ударил из своей пристрелянной автоматической винтовки. Не по мишени, по живой цели. Опять впервые проверялась феноменальная меткость Денисова, принесшая ему впоследствии и грамоты, и кубки, и дипломы.

«Ты наловчился бить не наповал, Денисов, – упрекнул его Каблуков, переворачивая труп. – Ишь как: под левую лопатку, прямо в сердце. Блондин, интеллигентная внешность, примерно тридцати пяти лет...»

Еще не было первой любви, первых грез, а уже был первый убитый им, восемнадцатилетним парнишкой, куцевой по кличке Крыга. Благодарность Денисову отметили в приказе.

А на рассвете, явившись в казарму, он поставил винтовку в пирамиду и, тщательно вымыв руки и лицо, приготовился к отдыху. Пограничники спят днем, как ночные птицы. К его койке подошел сержант Каблуков. «Спи спокойно, о том не думай. Если приснится или начнут душить кошмары, мой совет: телепай из наших войск, не подойдешь». И еще сказал Каблуков: «Постарайся заснуть сразу».

Заснул Денисов сразу, спал крепко; во сне пришла мать, что-то спросила, а потом они полетели вместе, она впереди, он за ней. Просто так летели, без крыльев, как бывает в снах юности. Мама куда-то пропала, растаяла, солнце упало за горы. Проснулся. Казарма. Каблуков спросил: «Ну, как?»

Денисов отрицательно покачал курчавой головой. «Хорошо, будешь служить в наших чекистских войсках», – сказал Каблуков.

Мать умерла в том же году от тяжелой болезни. В семнадцатом она жила в Петрограде, работала в ВЧК.

Каждый здесь, у горы Ветроудуй, мог бы вспомнить немало подобных историй. И потому пуще всего боялись бандиты этой вездесущей заставы. Если и щупали ее, то осторожно. Галайда был беспощадным и в среде пограничных офицеров слыл «экстремистом».

Мысли быстро сменяли одна другую; за минуту можно было побывать в далеком прошлом, обежать настоящее и заглянуть в будущее.

Сушняк и Денисов спустились по тропке к заставе.

К казарме, построенной после освобождения западных областей Украины на линии новой границы, были добавлены офицерские домики, гараж, конюшни, склады... Своими руками, как и все остальное, строили спортивный городок с тиром, поварскую и прачечную. Из трофейной техники заставе выделили четыре мотоцикла и десяток велосипедов. Надо сказать, что техники было достаточно: имелись две крытые машины – «студебеккеры», три грузовика, один «додж три четверти», «иван-виллис» и потрепанная «эмка», на которой уже толком и не ездили, а больше искали запчасти для нее. Кроме механической тяги, на заставе было пятнадцать молодых ухоженных лошадей, две пары повозочных коняг и мухортая кобыленка для кухни и водовозки, по кличке Январка. Кобыленка прибилудилась в январские метели.

На заставе уже работал движок, зажглись огоньки. Размеренно, словно на вечерней переключке, перегавкивались служебные собаки.

Застава примыкала к Ветроудую, как пограничники сами называли безымянную горку. Местность позволяла удобно разместить огневые точки.

Года два тому назад застава подверглась нападению крупной вооруженной банды оуновцев. Кровавая стычка открыла недостатки в обороне заставы, и потому после этого были оборудованы блиндажи, вырыты глубокие окопы и траншеи.

Застава имела роту солдат и штатное число офицеров. Проволочная связь дублировалась стационарной рацией. Поэтому, хотя бандеровцы рвали проволоку, устойчивая связь держалась с комендатурой, штабом отряда в Богатине и ближайшей воинской частью – мотострелковым батальоном Н-ской дивизии.

Денисов медленно шел, вдыхая всей грудью похолодавший после заката воздух, а на душе было беспокойно, предчувствия томили его; иногда больше, иногда меньше, но всегда он чего-то ждал, постоянно был настороже.

Сержант услышал топот. Сказал верховой от «веста» – так называли западный фланг участка границы. Ладонь ощутила рифленую ручку пистолета, с которым Денисов никогда не расставался.

Всадник скакал к заставе. Часовой его пропустил, значит, свой. Стоило поспешить, узнать, кого принесло в неурочное время. Денисов успел к крыльцу к тому времени, когда со

своего конька птицей слетела Устя, бросила повод, оттолкнула дежурного, встретившего ее на пороге.

– Дэ начальник?

– У себя, Устя. – Дежурный опасливо отстранился и, когда Устя скрылась в дверях, виновато сказал Денисову: – Она как зверь! И потом, ее разрешено пускать без доклада! – По-прежнему восхищенно поглядывая на дверь, только что распахнутую Устей, улыбнулся, добавил: – Вот женщина так женщина!

– Женщина! – передразнил его Денисов. – Она на коне, значит, боец. Понятно, товарищ сержант? Возьми-ка лучше повод да привяжи коня, а то заподпужится.

И пока дежурный привязывал взмыленного коня, уклоняясь от его зубов, Денисов напился ключевой воды из эмалированного ведра, вытер губы и стал поджидать конца необычайного визита знаменитой дивчины из Скумырды.

А Устя тем временем, распахнув дверь кабинета начальника заставы, очутилась лицом к лицу с Галайдой, по бешеному топоту коня догадавшимся о приезде Усти.

– Что, Устя?

– Що, що! – Устя рубанула рукой, зло выкрикнула: – Давай швидче студик, сажай хлопцев...

– Что за приказ, Устя?

– Митрофана и сына его, Митрошку... порезали... – Устя свалилась на стул, бессильно опустив руки на коленки, туго обтянутые трикотажными брюками спортивного костюма. Слезы брызнули на смуглые щеки.

– Порезали? – Галайда приказал: – Заставе в ружье! Эх, гады, звери. Порезали... – Сви-репо гоняя барабан нагана по твердой ладони, спросил: – Есть подозрение, Устя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.